

АЛИСА БОРЕЙ

ПОСЛУШНИЦА ТАЙНОЙ ШКОЛЫ

Алиса Борей

Послушница тайной школы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345570

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06094-4

Аннотация

Уличная девчонка, не брезгующая никаким заработком, и гордая аристократка. Ураганный тандем! Они очень разные, с разными представлениями о морали, любви и дружбе, но так получилось, что у них одна цель и достичь ее они могут только, опираясь друг на друга. Им обеим даже в голову не приходила мысль об учебе, и тайная школа – это не мечта жизни, это скорее предложение, от которого невозможно отказаться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	74
Глава 11	83
Глава 12	89
Глава 13	95
Глава 14	100
Глава 15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пролог

Вереница послушниц, облаченных в серые балахоны, молчаливо вытекла из темного коридора и, выстроившись в два ряда, застыла перед магистром школы сестрой Жерон ла Фанси. Та, пройдясь строгим взглядом по спрятанным в капюшоны лицам своих учениц, перевела его на стоящего рядом приора Священного трибунала и, спрятавшуюся за его широкой сутаной, стройную фигуру юной девушки.

– Можете начинать, господин приор.

Невысокий плотный человечек в сиреневой хламиде высших чинов трибунала вскинул голову вверх, словно взывая к Великой богине и, вздохнув, заговорил хорошо поставленным жестким голосом.

– Сестры мои, послушницы школы Святой и Непорочной Веры, я хочу представить вам еще одну послушницу, которая с сегодняшнего дня будет учиться вместе с вами. – Он повернул голову в сторону девушку. – Сестра Астриана.

Едва уловимый ропот пробежал по серым рядам учениц. Еще бы, они прошли вступительный отбор, обряд посвящения, промучились первые самые трудные полгода и вдруг на тебе – она будет учиться вместе с вами. Это несправедливо – возмущение вырвалось даже у самых стойких и дисциплинированных послушниц.

Уголки губ приора раздвинулись в понимающей улыбке,

и после секундной паузы он продолжил.

– Не сомневайтесь, она прошла все необходимые ступени и одобрена высшим советом трибунала. Поэтому прошу вас оказать ей самый радушный и сестринский прием.

Он еще раз улыбнулся своей слегка снисходительной улыбкой и выразительным взглядом вернул слово магистру школы. Та, чуть кивнув, тронула за плечо стоящую рядом девушку.

– Встань вместе с сестрами, Астриана. Завтра после инициации ты получишь новое имя и будешь зачислена в список послушниц школы Святой и Непорочной Веры.

–

Диск солнца еще не показался над горизонтом, но его дыхание уже чувствовалось в узких стрельчатых окнах старой школы. В этом сером предрассветном полумраке длинная змейка послушниц двигалась по узкому коридору в сторону молельного зала. Сестра Астриана, опустив голову, шла вместе со всеми, широкий капюшон, закрывая обзор с трех сторон, позволял видеть только каменные плиты, проплывающие под ногами. Еще один поворот, и узкий коридор вдруг значительно расширился. Мысли новой послушницы в этот момент были очень далеки отсюда, но тем не менее она успела заметить широкий носок школьной туфли, шустро выскользнувший откуда-то сзади и зацепивший ее за ногу. Заметить она успела, а вот среагировать – нет. Падение было болезненным и унижительным. Не поднимая головы, она по-

чувствовала, как остановилась цепочка, и как выросло вокруг нее злорадствующее кольцо ее новых подруг. Возвышаясь над лежащей девушкой, сестры беззвучным смехом олицетворяли единодушное, невысказанное решение – так ей и надо, выскочке. Хоть злорадство и было единодушным, но, встретившись глазами, почти все отводили взгляд в сторону, и только три пары глаз не прятались при встрече, а даже наоборот светились вызывающей усмешкой – ну и как тебе наш радушный прием.

Астриана молча сдула пыль с расцарапанных ладоней, потерла разбитые коленки и поднялась, готовая идти дальше. Ни слова, ни возмущенного жеста. Примерно такой «теплый» прием она себе и представляла, и теперь боялась только одного, что ее терпения надолго не хватит.

Маленькие подлые пакости продолжались весь день, то колючка под разбитую коленку в молельном зале, то пролитый на хламиду кисель в трапезной и всякий раз издевательски-наглый взгляд той же самой троицы. Новенькая все терпела, позволяя себе лишь молитву смирения и тяжелый вздох. День тянулся невыносимо долго, и Астриана была по-настоящему счастлива, когда тот наконец закончился. Устало прислонившись к стене, она смотрела, как послушницы шумной стайкой заполняли большую залу общей спальни. Наконец, откинув грубое суконное одеяло ее ладонь прошла по кровати, разглаживая белую льняную простынь и тут же брезгливо отдернулась. Простынь, матрас все было

насквозь сырое. Она подняла голову и вновь встретила все те же злые довольные глаза и затаенно любопытные взгляды остальных.

Холодная ярость вспыхнула само собой, но выплеснулась лишь в бешеной вспышке черных глаз и в безмолвно шепчущих проклятия губах. И все, только ладони сжались в кулаки с такой силой, что ногти вонзились в кожу, а затем глаза опустились к полу и всем показалось, что новенькая окончательно смирилась со своей участью.

Лия Хакда, старшая из троицы «веселых шутниц», брезгливо поджала губы, и, презрительно хмыкнув, зашагала в сторону комнаты для умывания. Головы всех присутствующих тут же повернулись в ее сторону, и всем послушницам стало ясно, кто теперь будет козлом отпущения и мишенью для гордой и безжалостной Хакды. А та, высоко вскинув подбородок и ни на кого не смотря, прошла вдоль всей спальни, разворачивая за собой взгляды следящих за ней послушниц. Уверенная и довольная собой, она шла, твердо впечатывая шаг, и вдруг на мгновение остановилась у высокой колонны с массивной капителью в виде сидящего грифона. Девушка застыла, словно почувствовав непонятную тревогу, ее взгляд скользнул вверх, и дикий крик ужаса заполнил залу. Каменный грифон как будто разжал свои мраморные когти и бросился вниз на замершую добычу.

Все это лишь на долю секунды показалось всем тем, кто смотрел на Лию Хакда, а уже в следующий миг на остолбе-

невших от случившегося девушек обрушился душераздирающий вопль, хруст глухого удара и грохот разлетевшегося на тысячи осколков каменного чудовища. Столб пыли еще не успел осесть, еще не затих общий испуганный гвалт, как первые послушницы уже подскочили к подруге и остановились в понимании собственного бессилия. В куче обломков лежало исковерканное тело, а в разбитой голове торчал каменный клюв грифона. Помочь первой красавице и горячке курса было уже невозможно.

К первым подругам непрерывно подтягивались все новые и новые сестры, и вот уже ни одной послушницы не осталось в кровати, кроме Астрианы, Она, с застывшим лицом, продолжала лежать на мокрой простыне и ей не надо было куда бежать, ее закрытые глаза и без того видели всю картину целиком. Сейчас, когда никто на нее не смотрел, она позволила себе улыбнуться, и эта улыбка прорезала на красивом белом лице совершенно жуткую нечеловеческую гримасу.

Глава 1

– Посидишь в подвале, может поумнеешь!

Донеслось сверху, и крышка люка с грохотом обрушилась на деревянные балки. В подвале сразу же наступила непроглядная темень.

Ну вот и все, доигралась, – тоскливая мысль обожгла безнадегой и отчаянием, – конец свободе.

Безвольно опускаюсь на пол, но тут же вскакиваю и начинаю озираться. В полной темноте в голову полезла всякая хрень про огромных крыс и подземных демонов. Зажмуриваюсь изо всех сил и пытаюсь взять себя в руки. Не помогает, все равно страшно. Пытаюсь разозлиться. В голове всплывает самодовольная рожа Дуга Фашара, и вспыхнувшая ярость как горящий факел рассеивает тьму ужаса.

Он же меня попросту продал, – сама мысль об этом приводит в бешенство.

Я ко многому привыкла, ведь все мои неполные восемнадцать лет протекли на городских улицах. Пусть я зарабатывала на жизнь неподобающим приличной женщине способом, но зато я всегда была свободна. Во всяком случае выбор: умереть с голоду или трахнуть с истосковавшимся солдатиком в подворотне, у меня всегда был. А теперь? Теперь, кажется, выбора нет, и я сама в этом виновата. Все случилось в тот день, когда в столицу приехал цирк Дуга Фашара. Из-

голодавшие за годы войны, горожане валили на представление толпами. У меня, конечно же, денег на билет не было, но я все-таки пролезла. Помню, как забившись между мешками и открыв рот, смотрела на арену. Зрелище меня просто заворожило. Гимнасты, жонглеры, фокусники, а потом я встретила Дуга. Он посмотрел в мои сияющие глаза и сказал, что у меня есть талант, и он сделает из меня великую танцовщицу. Так я и осталась в цирке. Все мои друзья из нашей уличной банды говорили мне, что я дура набитая, раз собираюсь покинуть сытный Город Ветров ради кочевой жизни с цирком, но я никого не слушала. Мы переезжали из города в город, месяц шел за месяцем, и в общем-то цирковая жизнь мне нравилась, правда пришлось спать с Дугом и заниматься по большей части уборкой и готовкой, а не танцами, но это меня не особо волновало. Главное, у меня была мечта, и я видела себя в ослепительном красном платье на залитой светом сцене, любимицей публики, бесподобной танцовщицей Марой, такое имя я уже себе придумала. Так и было до тех пор, пока мы не приехали сюда, в Зеленой Холм. Вот тут и начались неприятности, в первый же день на меня положил глаз какой-то местный богатей. Справедливости ради, надо сказать, Дуг меня тогда не отдал, но с того дня ему стали «выкручивать руки», а жаловаться тут некому. В этом городе полный бардак, грандесса ссорится со своим дядей, а тот строит ей козни. В этом двоевластии каждый богатей, каждый чиновник сам себе голова и творит все, что ему заблаго-

рассудится. В общем, закончилась эта возня плохо в первую очередь для меня. Сегодня Дуг привел меня в этот дом и, показав на маленького лысого толстяка, сказал, что теперь я принадлежу ему. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что это за место – бордель, дорогой бордель для жирных городских толстосумов. Я так опешила поначалу, что даже дар речи потеряла. Если бы я знала, что такое вообще возможно, то собрала бы манатки и сбежала еще вчера, а сегодня бежать оказалось уже поздно. После моей гневной речи о том, что я вольная подданная королевы, и никто не имеет права мною распоряжаться, меня попросту избили и кинули сюда в подвал, так сказать, на перевоспитание. Избили надо отметить со знанием дела, я то уж в этом понимаю, все тело болит, но шкурка и лицо целы, никаких уродливых синяков и шишек.

И вот, что теперь делать? – Устав стоять, я все же решилась опуститься на пол. – Я не пай-девочка и спать с мужчинами за деньги для меня не впервой, мне, даже признаться, иногда это нравится, но одно дело работать на себя и совсем другое быть дойной коровой для какого-то мерзкого толстяка. И даже не это суть проблемы, главное – не выношу, когда меня заставляют. Если уж я уперлась, то уперлась, сдвинуть невозможно, хоть бейте, хоть режьте, бесполезно. Вот и сейчас, хоть бы одна здравая мысль в голову пришла, так ведь нет, одна бредовой другой. То в голову лезет картинка, где я вцепляюсь зубами в руку охранника и, вырвавшись на

улицу, ору во весь голос «помогите»! То, как хватаю нож со стола, и опять тоже самое...

Да кто тебе поможет, дура, – беззвучно ору на себя, – ты одна в чужом городе, никого не знаешь, и никто за тебя вписываться не станет.

Неожиданно загрохотали шаги над головой, и, закрипев, крышка люка начала подниматься. Сверху вместе со светом просочился приторно-слащавый голос.

– Ну что, наша красавица одумалась или желает еще посидеть?

Непроизвольно оцениваю каждое услышанное слово и, судя по тону вопроса, сижу здесь уже порядочно. Видать, пока злилась и строила безумные планы, время пролетело незаметно.

В ответ на мое молчание в голосе сверху появились нотки раздражения.

– Так что будешь сидеть до утра или пойдешь работать?

Мысли в моей голове продолжают лихорадочно крутиться. Торчать здесь бессмысленно. Отсюда точно не убежишь. Надо соглашаться. Выведут из подвала, а там посмотрим.

Все-таки, решившись, отвечаю коротко и устало.

– Пойду.

Надо усыпить бдительность моих тюремщиков, пусть думают, что я сломалась.

Голос сверху вновь наполнился сахаром.

– Вот и хорошо, вот и чудненько, давай поднимайся, там

как раз тебя клиент дожидается.

Встаю и плетусь по каменной лестнице, каждый шаг дается мне с трудом, словно на плаху шагаю. Наконец, выползаю наверх, где меня встречает толстый лысый коротышка и здоровенный громила за его спиной.

– Давай, давай, красавица, поживей, – пухлая ладошка вцепилась в мое запястье, как ястребиная лапа, – важный человек тебя ждет, а важные люди ждать не любят. Он будет недоволен, значит я буду недоволен, а если я буду недоволен, то тебе будет так плохо, что жить не захочется.

Маленькие глазки на пухлом лице вдруг стали злыми и безжизненно холодными как льдинки.

– Ты поняла меня?

– Поняла. – Отвожу взгляд, а безжалостные льдинки продолжают сверлить дырку в моей голове.

Глава 2

В маленькой комнатке две пожилые женщины с одним та-зиком воды пытаются придать моему телу максимум привле-кательности. Я им не мешаю, стою как истукан и все мои мысли сейчас только об одном – что дальше?

Одна из теток, заматывая мои волосы в полотенце, наста-вительно бубнит в ухо.

– Ты, милая, не ерепенься, дело наше такое бабье – под-чиняться.

Напоровшись на мой бешеный взгляд, она слегка отодви-гается, но не отстает.

– Ну чего ты зыркаешь то, чего? Лучше будет, если они тебя покалечат? Ты посмотри, какая ты красивая, кровь с молоком.

Другая, обтерев меня губкой и обернув простыней, всту-пила вторым голосом.

– Поработаешь первое время, осмотришься, денегат под-заработаешь, а потом и решать будешь.

– Вот-вот, ты не торопись, – первая, стащив полотенце, начала расчесывать мои волосы, – глядишь в такую краси-вицу и влюбится кто. Возьмет в содержанки, а это уже совсем другое дело.

Слушаю их и думаю, – ах вы, вороны старые, сами ко-гда-то обожглись, а сейчас вот так других ломаете. Ведь зна-

ете, стоит лишь первый раз согласиться и из этой трясины уже не вырваться никогда.

Мое молчание они истолковывают по-своему и обрадованно продолжают кудахтать.

– Ну вот и молодец, – женщина взяла кисточку, – сейчас подкрасим тебя немножко и будешь у нас красавицей из красавиц.

– Вот и платье тебе приготовили, ты посмотри только какая прелесть. – Вторая приложила к себе практически прозрачную тунику.

Стою молчу и стараюсь выглядеть испуганной и сломленной, а у самой в голове крутится, как заведенное – надо бежать, надо бежать отсюда.

Тетки – хоть и сволочи, но дело свое знают. Лихо подкрасили ресницы, брови, подвели губы, румяна на щеки. Смотрю в зеркало и не узнаю себя – настоящая кукла. Распущенные волосы вороновым крылом падают до самого пояса, глаза черные, огромные, ресницы длиннющие, на голых плечах тонкие, золотые бретельки, удерживающие ничего не скрывающую невесомую ткань короткой туники. Даже сама засмотрелась на себя, так понравилось.

– Ну пошли, пошли, – потянула меня за руку одна из моих надсмотрщиц, – мужик там уже заждался.

Голос резанул как ножом, напомнив, ради чего меня так вырядили и в груди опять все заледенело. Иду под конвоем. Одна тетка впереди, другая сзади, не убежишь. Свернули за

угол и остановились у двери.

– Ну давай, – та, что поразговорчивей, взялась за ручку, – не выкаблучивайся. Сделай все как надо, ублажи мужика и пойдешь отдыхать в чистую постель, а не в подвал.

Дверь приоткрылась и меня втокнули в залитую светом комнату. После полутемного коридора я даже зажмурилась, и глаза ладонью прикрыла. Вижу сквозь ресницы большую кровать с балдахином, небольшой столик, на нем фрукты, вино, рядом кресло, а в нем тот самый богатей из-за которого в первый день нашего приезда скандал разгорелся. Мужик в возрасте, аккуратно подстриженная борода, налысо выбритая голова, атласный халат, из которого торчат волосатые ноги. Сидит лыбится, как кот на сметану.

Значит, вот из-за кого все мои беды, – бросила исподлобья взгляд в сторону сидящего и пробежалась глазами вокруг. Цель у меня по-прежнему одна – сбежать, и мой взгляд лихорадочно ищет, что мне может в этом помочь. Справа наглухо зашторенное окно, интересно, что за ним и высоко ли до земли? На подносе маленький фруктовый ножичек – это не оружие, таким даже не напугаешь.

Пока я раздумывала, мужчина поднялся и, пожирая меня глазами, подошел вплотную. Не выше меня, но кряжистый и квадратный, если навалится, из-под такого не выберешься.

Мужские пальцы жестко схватили меня за подбородок, поднимая голову.

– Хороша чертовка!

Пухлые губы сочно причмокнули.

– Даже не жалко тех денег, что я за тебя выложил.

Широкая волосатая ладонь легла на мою грудь, вдавив напрыгшийся сосок.

– Хороша!

Теперь уже обе руки зашарили по всему телу.

Так, – испуганно мелькнуло в голове, – сейчас завалит на кровать и тогда все...

– Может вина сначала выпьем? – Пытаюсь притормозить неумеренную прыть моего страстного поклонника.

– Вина?

Мужчина непонимающе переспрашивает, с трудом отрываясь от моей груди, но потом взгляд его упирается в поднос с фруктами, и сознание вновь появляется в его глазах. Почти ощутимо в них мелькает сомнение, но торгашеская сущность побеждает – уплачено ведь, не пропадать же добру.

Впервые в жизни радуюсь человеческой жадности, она дает мне кратковременную отсрочку.

Мужик плюхается обратно в кресло и хлопает себя по оголившимся ляжкам.

– Садись, красавица, сейчас выпьем, сейчас все будет, как ты хочешь.

С брезгливостью поглядываю на волосатые ляжки, садиться на них мне совсем не хочется, и я все еще не решила, что буду делать. Подхожу к столу и, приподняв кувшин, наливаю вино в бокалы.

Может развернуться и засадить кувшином в башку этому уроду, – эта мысль самая первая и самая устойчивая в моей голове. – А дальше? Дальше, вышибаю окно и выпрыгиваю на улицу. Скорее всего сейчас ночь, найти меня в темноте им будет непросто.

Примериваю на вес кувшин и кошусь на крепкую шишковатую голову, – нет, легковат будет, такого быка только разозлит.

Протягиваю мужчине бокал и пытаюсь зайти за стол, но не тут-то было, опрокинув в глотку вино, загребущая лапа уже схватила меня за подол и рывком усадила на колени.

– Куда это ты собралась? – Потные, жадные руки вновь по-хозяйски зашарили по телу, стаскивая с плеч бретельки туники.

Все, ждать больше нельзя? – Чувствую под собой напрягшийся мужской член. – Сейчас!

Широкая ладонь, на мгновение отпустив меня, ложится на подлокотник кресла и меня словно прошивает озарение. Короткий взгляд на маленький ножичек на столе.

Сейчас! Стремительно метнувшись к блюду, моя рука хватает клинок и что есть силы втыкает его в тыльную сторону волосатой ладони.

– Аа-аааа! – Раздается громоподобный рев и тонкое лезвие, прошив ладонь насквозь, припечатывает здоровяка к креслу.

Я свободна! Вскакиваю и хватаю столик. Слышу звук раз-

бившегося кувшина, покотившихся по полу фруктов и ошарашено-бешеный крик раненого мужика.

– Ты что делаешь, дрянь!

Теперь вперед! Выставив стол вперед, как таран несусь на закрытое окно. Хрясь! Вылетают рамы и стекла. Дзень! Посыпались сверкающие осколки. Стол вместе с тяжелой шторой полетели куда-то вниз. Вскакиваю на подоконник и остолбеваю...

Внизу вместо темной улицы светло как днем. Поднятые вверх удивленные лица мужчин и женщин, несколько опрокинутых столов, разбитая вдрезг посуда и застывшее тягостное молчание.

Глава 3

Вот черт! – Застываю на подоконнике. Окно выходит во внутренний дворик, заполненный гостями и радушными «хозяйками».

Вылетевший из окна стол, надо сказать, произвел фурор, все повскакивали с мест и ошарашенно уставились наверх, где достойным завершением выступления показалось мое полуголое тело.

Взгляд отщелкивает всю картину по отдельным моментам. Визжащие тетки, испуганные взгляды мужчин сменились на удивленные. А вот с краю два мордоворота со злыми лицами, не спуская с меня глаз, движутся к окну.

Эти по мою душу. – Не решаясь ни на что, все еще стою на подоконнике. – Кажись, доигралась!

Слышу сзади яростный рев и шум опрокинутого кресла. Резко оборачиваюсь. Раненый мужик, вырвав из руки нож, вскочил, и его бешеные глаза не сулят мне ничего хорошего.

– А-а-ааа! – Отталкиваюсь изо всех сил и лечу вниз. Приземляюсь на край длинного стола, и другой его конец, как качели, тут же взлетает вверх. Раскинув руки, качусь на пол, в ушах грохот, все летит кувырком. Ноги, руки, мясо, фрукты, осколки посуды, все завертелось сумасшедшим смерчем.

Хрясь! Мой собственный затылок остановил свободное падение. Больно жутко, но не до этого. Стремительно пере-

ворачиваюсь и на карачках, лавируя между столами и ногами, ползу к забору.

– Киска! Иди ко мне! – Какая-то пьяная рожа хватает меня за ляжку и тянет к себе.

Развернувшись, оставляю на ошалелой морде борозды от своих ногтей и, не останавливаясь, ползу дальше. Впереди кусты и деревья. Вскрываю на ноги и несусь к забору. Одним прыжком взлетаю на дерево и, повиснув на суку, закидываю тело на широкий кирпичный забор. Последний взгляд назад.

Разгромленный двор, перевернутые столы, в самом центре отчаянная пьяная драка и все это в какофонии женского крика и визга.

Будете меня помнить, – промчалась радостно-злая мысль и, оттолкнувшись от забора, прыгаю в непроглядную темноту. Секундное торжество и сразу же удар обо что-то твердое. Не удержавшись на ногах, качусь по булыжной мостовой, обдирая коленки.

Отдышавшись, поднимаюсь и вглядываясь в темноту, решаю куда же бежать дальше. Делаю первый шаг и понимаю – бегать я смогу теперь не скоро. Каждое движение отдается болью в левой ноге. Прихрамывая, плетусь вдоль забора, чернота такая, что и на два шага вперед ничего не видно. Только-только немного успокоилась, как вдруг прямо перед носом распаивается невидимая калитка, и в свете горящих факелов я нос к носу сталкиваюсь с двумя охранниками, и их

злоозабоченные рожи моментально расплываются в довольной ухмылке.

– Что, добегалась, дурища!

Действительно, дурища! От обиды на собственную ту-пость у меня аж похолодело и опустилось все внутри – как можно было все так испортить. Хочется сжаться в комочек, реветь и выть от обиды, но все же не позволяю себе такой слабости. Пригнувшись, уклоняюсь от пытающейся схватить меня руки и что есть силы прыгаю в сторону. Может со здоровой ногой у меня и был бы мизерный шанс, но сейчас я не пробежала и пяти шагов, как толчок в спину опрокинул меня на брусчатку.

Зарычав как кошка, изворачиваюсь и вцепляюсь когтями в наклонившуюся морду, но тут же получаю кулаком в лицо. В голове вспыхивает фонтан искр, и на миг сознание просто вырубается. Очухиваюсь, в висках звон, чувствую, как меня перевернули на живот и, приперев коленом к земле, вяжут руки. Голова безвольно падает на землю и, отчаяние, дождавшись своего часа, находит лазейку в моей броне. Слезы текут рекой, заливая глаза и останавливая дыхание, реву, шмыгаю носом и задыхаюсь от обиды и досады. Как глупо все получилось, ведь была же в шаге от свободы.

В прижатом к мостовой ухе вдруг отчетливо раздается размеренный стук лошадиных копыт. Кто-то едет! Ни на что не надеясь, ору из последних сил.

– Помогите, убивают!

И тут же слышу злобное шипение в затылок.

– Ты чего орешь, дура! Хочешь, чтобы тебе язык отрезали?

Да режьте вы что хотите, меня уже не остановить, ору как бешеная.

– Помогите!

Ору заполошно, завывая по-бабьи до тех пор, пока меня с силой, разбивая лицо, не тыкают в булыжную мостовую.

Теперь все, – замираю разбитая и опустошенная, и вдруг откуда-то издалека до меня доносится тонкий девичий голос.

– Отпустите ее немедленно!

Никакой реакции я не почувствовала, жесткое колено все также врезается мне между лопаток, а завернутые за спину руки продолжают стягивать веревкой. Зато появился знакомый слащавый голос.

– Ехали бы вы мимо, юная госпожа, и не вмешивались бы в дела наши грешные.

С замиранием сердца жду ответа и с радостью слышу появившиеся в нем стальные нотки.

– Я – баронесса Луиза Бренер, и я требую, чтобы вы немедленно объяснились в том, что здесь происходит.

Поднимаю голову и вижу, как толстяк поморщился словно от зубной боли, – что, не хочешь связываться с дворянкой? Слежу за его взглядом и отмечаю, как оценивающе он осматривает сидящую на лошади девушку. Изворачиваюсь и тоже поднимаю на нее глаза. К своему сожалению не нахожу

за ее спиной никакой свиты и это мгновенно тушит вспыхнувшую было надежду.

Слащавый, видимо, тоже оценил, как отсутствие всякого сопровождения, так и простую, дорожную одежду путницы, а оценив, решил, что с худародной дворянкой особо церемониться не стоит.

– Ехали бы вы, баронесса, от греха подальше, – в его голосе засквозила скрытая угроза, – нехорошо, когда приличные дамы ездят одни по ночам, всякое ведь может случиться.

После этих слов наступило минутное молчание, которое мои тюремщики расценили явно неверно. Они подумали, что аристократка поняла куда влезла и струхнула, но я то видела ее лицо. В свете факела мне отчетливо была видна мгновенно вспыхнувшая в ее глазах ярость и ненависть. Было в этом что-то глубоко личное, шедшее из самой глубины ее души.

Не обращая больше внимания на баронессу, бугай, затянув веревки на моих руках, подхватил меня и забросил на плечо. Хозяин борделя, презрительно скривив губы, кивнул второму охраннику – пошли мол, нечего тут больше время тратить. Зарвавшаяся аристократка получила свое и больше не полезет, но оказалось совсем не так. Моя неожиданная спасительница просто ждала момент, и он наступил – вся троица, не ожидая нападения, повернулась к ней спиной. Вороний жеребец взвился на дыбы, а в руке у девушки блеснул обнаженной сталью клинок. Одним рывком лошадь сбила с

ног слащавого толстяка, а охранник схватившийся за дубинку тут же залился кровью. Я успела только охнуть, девчонка орудовала мечом, как заправский рубака, сразу было видно, что ей такое не впервой.

Мой носильщик резко развернулся на звук, и теперь я уже ничего не могла увидеть кроме булыжников мостовой. Оставалось следить за перипетиями схватки только на слух. Вот, звякнув о нагрудную бляху, острие меча уперлось в мужскую грудь и прозвучал жесткий, не допускающий сомнения, голос моей спасительницы.

– Опusti ее на землю и развяжи.

Ошеломленный детина бухнул меня на мостовую как мешок с брюквой и тут же получил гневный окрик.

– Аккуратней, осел, если не хочешь лечь рядом с остальными.

Теперь движения охранника стали мягкими и дрожащими, видимо острие клинка, пропоровшее кожу у него на груди, произвело на него неизгладимое впечатление.

Размяв затекшие руки, я на всякий случай отошла поближе к своей спасительнице. На душе как-то беспокойно, моя интуиция подсказывает, что все еще далеко не закончено. И точно, ситуация из трагедии начала стремительно превращаться в фарс. Из ворот борделя, перекрывая дорогу, шумно высыпал полупьяный народец. Едва одетые шлюхи, полуголые мужики с синяками и без, прислуга и даже поваренок. Все они, привлеченные криками и шумом схватки,

с удивленным гомоном уставились на победительницу уличной битвы. Затравленно верчу головой и вижу, как со стоном поднимается хозяин заведения и, утерев кровь с разбитой головы, смотрит на пеструю толпу из клиентов, шлюх и прочей обслуги, загородившую дорогу. Вот он зло щерится и на его лице просто аршинными буквами написано – мы еще поговорим с тобою, шлюшка. Сжавшись в пружину, провожаю взглядом толстяка, а тот вновь выходит вперед и встает прямо перед лошадью баронессы.

– Я, Игон Шарп, хозяин этого дома утех, – рука толстяка указала на распахнутые ворота и стоящую публику, – достойный гражданин города. Плачу все налоги как королеве, так и в городскую казну.

– А эта девка, – теперь он ткнул пальцем в меня, – принадлежит мне. Я купил ее сегодня днем, и у меня есть все бумаги, оформленные надлежащим образом. Эта мерзкая дрянь порезала клиента, разбила посуду, устроила драку и должна быть наказана.

Он еще раз вытер платком бритую голову и, расправив плечи, уже смело взглянул на всадницу.

– А вот теперь вы скажите мне, баронесса Бренер, почему вы устраиваете разбой на улицах нашего славного города, калечите горожан и отнимаете у хозяев их законную собственность.

Плохое предчувствие заворочалось у меня в душе в ответ на молчание моей защитницы. Чувствовалось, что мечом

она владеет лучше, чем крючкотворством законников.

Смущенное молчание баронессы только распалило моего недавнего хозяина, и он уже вещал как настоящий оратор, обращаясь по большей части к публике у него за спиной.

– Здесь вам не ваша деревня, а вольный город и правит здесь не самодурство баронов, а законы города и королевы.

Ситуация менялась прямо на глазах, я почти физически ощущала, как теряет уверенность моя спасительница. Одно дело защитить униженного, и другое пойти против закона. Моя еще не полученная свобода уже начала таять как снеговик весной. Ну как мне доказать, что я свободная женщина и продавать меня вообще не имели права. Бумаг у меня никаких, в этом городе никто меня не знает и свидетельствовать в мою пользу не будет.

Мы молчим, а разошедшийся толстяк сверкая глазами уже пошел в наступление.

– Мы здесь не ваши крепостные с которыми вы можете делать что угодно. Мы вольные горожане и требуем уважения. Извинитесь, отдайте мою собственность, и я уж так и быть не буду подавать на вас в суд.

Он посмотрел на стонущего у забора охранника и, подумав, добавил.

– Ну, пожалуй, еще бедолаге на лечение придется накинуть. – Хозяин борделя, нагло ухмыляясь, поднял уверенный взгляд на баронессу.

Моя спасительница по-прежнему хранит молчание, зато

у меня в голове зароились мысли, которые никак не желают складываться в конкретную идею. Все они вертятся вокруг последних слов толстяка насчет крепостных и прав хозяйна...

Точно!

Меня вдруг озарило и, запричитав, – Ваша милость, Ваша милость! – я схватилась за стремя баронессы.

Увидев опущенный на меня взгляд сине-голубых глаз, кричу уже в голос так, чтобы меня все слышали.

– Ваша милость, вы меня не узнали? Это же я – Мара, дочь вашего конюха. Простите, что сбежала, каюсь и молю не наказывайте меня строго.

Вижу мелькнувшее непонимание, и начинаю злиться, – ну давай же, голубая кровь, соображай быстрее. Я – твоя крепостная, ты – моя хозяйка. Я твоя собственность, а остальные со всеми их бумагами и претензиями могут убираться к черту. Твоего слова достаточно, а если нет, то пусть этот урод подает в суд, к тому времени, когда разберутся, надеюсь, нас уже здесь не будет.

Минутное замешательство говорит мне, что эта юная наивность с мечом в руках врать не привыкла и не умеет. Ловлю на себе ее осуждающий взгляд и с тревогой замираю, неужели сейчас сдаст, но еще больше, чем врать, баронессе не хочется уступать наглому сутенеру. Несколько секунд эти два чувства борются в ней и к счастью для меня в голубых зрачках вспыхивают огоньки глубинной ненависти.

– Мара? Твой отец почернел от горя, с тех пор как ты пропала.

Моя названная хозяйка дарит мне саркастическую усмешку.

– Простите, Ваша милость. – Жалобно пишу в ответ, отводя глаза, но юная всадница уже не слушает меня.

Ткнув пятками жеребца, она гневно наезжает на владельца борделя.

– Ты обманом завладел моей собственностью. – С каждым словом голос баронессы наливается праведным гневом все больше и больше. Острие меча вновь засверкало перед лицом у Игона.

– По всем законам я имею право казнить вора на месте. – Она позволила ошарашенному толстяку увернуться от удара и отступить ближе к воротам.

– Я не знал, что она крепостная. – Игон Шарр пригнулся от вновь просвистевшего над головой меча и, крикнув, – я купил ее у циркачей, – шустро для своих габаритов вбуравился в растущую с каждой минутой толпу.

Баронесса, осадив жеребца перед линией полуодетых людей, прожгла их разгневанным взглядом.

– Кто еще здесь хочет оспорить мои права?

Поскольку желающих не нашлось, моя неожиданная спасительница отточенным движением вложила меч в ножны, бросив вслед исчезнувшему в толпе сутенеру.

– Так уж и быть, только из уважения к городу, беги, и пусть

городской суд решает твою судьбу.

Еще раз пройдясь обжигающим взглядом по оторопевшим лицам, она пустила своего скалящего зубы жеребца прямо в толпу, и та испуганно шарахнулась в стороны, давя друг друга.

Ей-ей, а я! Чуть не закричав это вслух, кидаюсь вслед своей защитнице. Хватаюсь за стремя и стараюсь не отставать от перешедшей на рысь лошади моей новоявленной хозяйки.

Мы едем как на параде перед строем людей, и я ищу в толпе ненавистную жирную морду. Вот он! Вижу злобные маленькие глазки, угрюмо вцепившиеся в мое лицо и не отводя взгляда, наслаждаюсь минутой своего торжества. Мои глаза, моя довольная физиономия, все кричит ему – что съел сутенерская морда, иди теперь и сам ублажай своих толстозадых клиентов.

Глава 4

Освещенный бордель и людской гомон остались далеко позади, но я по-прежнему бреду в темноте за лошадьёю баронессы и не знаю, что делать дальше. Вроде бы нас никто не преследует, и я могу спокойно свернуть в любую подворотню, но зачем? В цирк я, конечно же, не вернусь, об этом и говорить не стоит, разве только затем, чтобы отрезать лживый язык Дуга и скормить его собакам. Было бы здорово, но вряд ли исполнимо. Вернуться в Город Ветров, но как? Путь не близкий, а у меня ни денег, ни одежды, ничего.

В общем, в пору забиться в какой-нибудь угол и поревель всласть, проклиная мужиков этих поганых и долю свою несчастную. Я бы так и сделала, но надо хоть поблагодарить свою спасительницу, а она все едет и едет вперед, не останавливаясь. Она вообще странная эта баронесса. У нее такой взгляд, словно она все время глубоко в себе, поглощена одной целью, и только эта заветная звезда имеет для нее смысл и ведет ее. Такой взгляд я видела у паломников, прошедших сотни миль, чтобы увидеть храм Неистойой Бури. Ну да бог с ней с баронессой этой, надо поблагодарить ее, да и идти своей дорогой.

– Эй, Ваша милость! – Кричу, ускоряя шаг.

Стук копыт затихает, и лошадь вместе с наездницей одновременно поворачиваются ко мне.

– Ваша милость, благодарю вас за спасение. – Поднимаю глаза вверх. – Я ваша должница на всю жизнь, если когда-нибудь доведется вернуть вам долг, буду счастлива это сделать. Все что угодно, только скажите.

Огромные голубые глаза молча изучают мое лицо, будто видят впервые. Под этим взглядом мне становится как-то неуютно, словно он прощупывает меня изнутри, и я, уже не думая дожидаться каких-либо ответных слов, произношу хоть что-нибудь, чтобы скрасить неловкость.

– Ну ладно, пошла я. – Потихоньку начинаю поворачиваться в сторону темного переулка, как вдруг слышу ее тонкий, но твердый голос.

– Есть хочешь?

Хочу ли я есть? Станный вопрос, лучше спросите меня, а был ли в моей жизни такой миг, когда бы я не хотела. С того дня, как я выползла из утробы матери, я, во всяком случае, такого момента не помню.

– Было бы неплохо. – Стараюсь, как могу, не показать, насколько у меня урчит в животе. Все-таки надо быть настороже, спасительница спасительницей, а оглянуться не успеешь, как за кусок хлеба в крепостные запишут.

– Тогда, – баронесса чуть усмехнулась одними уголками губ, – иди за мной. Здесь недалеко где-то есть постоянный двор «Счастливая подкова», там меня должны ждать. Надеюсь, напоют и накормят, а то у меня, знаешь ли, тоже с днями туги.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и тронула своего жеребца. Поесть и уснуть под крышей, а не на улице, это все, о чем я могла мечтать в эту ночь, поэтому резво сорвавшись, догоняю лошадь и вновь пристраиваюсь у левого стремени.

—

Трактир уже почти пустой. Несколько человек сидят за столом в углу, да мы вдвоем, вот и все посетители. Трактирщик, коренастый мужичище с рыжей давно нестриженной бородой, представившись Лероном Мутт, ни о чем нас не спрашивал, словно заранее знал кто и зачем приедет. Осуждающе косясь на меня, он задал баронессе всего лишь один вопрос.

— Эта с вами?

Та кивнула и громила молча освободил мне дорогу. Проводив нас к столу, он особо не церемонясь, пробурчал, что на кухне остался только суп с обеда, холодный цыпленок и хлеб. Мол ничего другого предложить он не может, так как повара уже давно отпустил домой, а если бы мы приехали еще позже, то и этого бы не осталось.

Баронесса, не обратив внимания на ворчливый тон, опустилась на деревянный табурет и коротко бросив, — неси все что есть и кувшин вина, — вновь уставилась на меня своими голубыми глазищами.

— Ну и кто же ты такая, Мара?

Усаживаясь напротив, я все еще пребывала в сомнениях, надо ли выплескивать все наболевшее или все-таки поосто-

рожничать. На полноценное ранье не было ни сил, ни желания, и я, вздохнув, начала выкладывать все как было.

– Родилась на улицах Города Ветров, – Только начав, язык заработал так, что не остановить. – Мать почти не помню, отца вообще никогда не видела...

Пока рассказывала, принесли еду и заканчивала я уже с полным ртом, запихивая попеременно то хлеб, то куски цыпленка, то заливая все это супом. Баронесса ела мало и ни разу меня не перебила и не переспросила, хотя понять меня жующую, с набитым ртом, наверное, было трудновато. Лишь когда я закончила, она спросила.

– А теперь что думаешь делать?

Запихав в рот и проглотив очередной кусок хлеба, я залила все это целой кружкой вина и к своему удивлению ощутила, что больше в меня не влезет ни крошки. Несмотря на раздувшийся тяжелый живот, это было совершенно непередаваемое блаженство. Такого опьяняющего ощущения сытости я сто лет уже не испытывала. У меня даже глаза начали слипаться и мысли путаться, но упертый в меня взгляд ждал ответа, поэтому, икнув, я все-таки смогла произнести.

– Не знаю. Наверное, постараюсь домой вернуться.

Икнув еще раз, я вспомнила тот подвал, где обычно ночевала наша банда и с тоской подумала, что домом это место вряд ли можно назвать.

– Вот как, – моя собеседница выразила невольное удивление, – я тоже еду в Город Ветров.

Меня словно кольнуло – это шанс, это просто знак свыше.

– Ваша милость, – изображаю самую умильно-просительную гримаску, – возьмите меня с собой.

Вижу, баронесса нахмурилась, даже не пытаюсь скрыть свои сомнения, и начинаю быстро-быстро тараторить.

– Ваша милость, вы не думайте, я не какая-нибудь белоручка. Я и за лошадьми могу присмотреть, и постирать, зашить что надо, полы помыть, отнести, принести. Вы не сомневайтесь.

– Да я не сомневаюсь, – моя спасительница грустно улыбнулась, – и помощница мне бы пригодилась.

– Тогда в чем же дело? – Нетерпеливо подаюсь вперед и натываюсь на гордо вспыхнувший взгляд.

– Сейчас у меня не лучшие времена, и я не могу позволить себе прислугу.

Поскольку я продолжаю изображать собой немой вопрос, то помолчав она все же добавила.

– Мне нечем тебе платить, так что извини...

Я аж подпрыгиваю на месте – платить, да если меня будут кормить так как сегодня, то я до конца жизни готова задаром работать.

– Да вы что, Ваша милость, – с жаром прерываю баронессу, – не надо никаких денег. Еда и крыша над головой, вот и все что мне нужно.

Та по-прежнему продолжает смотреть на меня с сомнением, и я начинаю нервничать, понимая, что мой единствен-

ный шанс вырваться отсюда и добраться до Города Ветров таит с каждым мгновением.

Наш немой диалог прерывает неожиданно выросший над столом хозяин заведения.

– Я извиняюсь, госпожа, но комендант Готард извещал меня, что вы будете одна, поэтому мы приготовили комнату только для вас.

В ответ на наши непонимающие взгляды, он изобразил излишне громкий вздох и покачал головой.

– Эту вашу спутницу, куда девать?

Трактирщик презрительно прошелся глазами по моей грязной полупрозрачной тунике.

– Может быть ей в конюшне соломы накидать?

Если он думал меня напугать или унижить, то у него не получилось. Конюшня, это далеко не самое худшее место, где мне приходилось ночевать.

– Нет.

Звонкий голос баронессы известил, что меня кажется приняли на службу.

– Моя служанка будет ночевать со мной в комнате.

Рыжебородый громила равнодушно пожал плечами.

– Как скажете, но только кровать там одна.

– Ничего, – я вскакиваю грохоча табуретом, – я и на полу прекрасно устроюсь.

– Вот и отлично, – моя новая хозяйка тоже поднялась и чарующе улыбнулась трактирщику, – распорядитесь прине-

сти в мою комнату еще один матрас, одеяло и подушку.

Глава 5

Баронесса лежит на кровати, а я пристроилась на полу у двери. Тощий матрасик ничуть не смягчает деревянные доски пола, но мне не привыкать. Перекатываюсь на спину и, уставясь в потолок, чувствую, что не засну, сна, как назло, ни в одном глазу. Прислушиваюсь и судя по тому как ворочается баронесса, ей тоже не спится. Стоило подумать о ней и сразу же всплыла целая куча вопросов. Совсем юная девушка одна в ночном городе. Как ее вообще отпустили? Ладно я, пропащая душа, но она то аристократка. За ней конвой и толпа прислуги должна ехать. Странно это.

Терплю сколько могу, но все же, не удержавшись, спрашиваю.

– Ваша милость, вы не спите?

Ответ приходит после небольшой паузы.

– Нет, что ты хотела, Мара?

– Раз уж вы не спите, – живо переворачиваюсь на живот и поднимаю голову, – Знаю, это не мое дело, но любопытно жуть. Скажите, что делает юная баронесса одна, в чужом городе, ночью и без охраны?

Вижу, как моя новая хозяйка резко приподнимается и садится, прислонившись спиной к стене. Ее нервное возбуждение передается и мне. Чувствуется, что тема очень болезненна для нее, и что она хранила ее в себе так долго, что та

уже превратилась в невыносимый груз.

– Расскажите, – пытаюсь ей помочь, – легче станет. Мы ведь теперь вместе, и если я смогу, то буду рада помочь.

Минутное молчание, чувствуется, что ей хочется поделиться наболевшим, но и решиться тоже нелегко. Я больше не лезу. Захочет расскажет, а нет, так это ее тайна. Наконец, она все же решается и начинает говорить. Рассказывает про свое детство, про замок, друзей, как дралась с пацанами во дворе, ну прямо как я, мне тоже пришлось несладко и бывало места живого на мне найти было трудновато. Поэтому я прямо прониклась вся, слушаю, переживаю. Когда она дошла до того момента как граф ла Руа ворвался в замок, я уже вся на нервах была, дальше вообще жуть. С насилием я знакома не понаслышке, но такого, что она вытерпела, даже мне не доводилось. Потом настоящая сказка пошла, этот парень ее, Вийон ла Руа, поначалу я его просто возненавидела, но она так рассказывала о нем, что я вместе с ней начала его уважать за безбашенную отвагу и мужество, а уж под конец чуть сама не влюбилась и ревела вместе с ней в три ручья.

Наревевшись, спрашиваю ее.

– И что? Как же вы дальше-то будете?

Голос моей новой хозяйки чуть дрогнул, но тут же вновь наполнился уверенностью.

– Я решила, что нельзя его бросать там одного. Я должна пойти к королеве и просить ее о великодушии, ведь он раскаялся и готов добрыми делами искупить свою вину.

– Правильно, – у меня аж загорелись глаза, – пойдём к королеве. Она справедливая и сумеет оценить настоящую любовь. Говорят, у нее самой был роман с истмари... Ой! – Я прикусила язык. Говорить такое про королеву, это оскорбление. Можно и без головы остаться.

К счастью, она меня не расслышала и продолжила говорить.

– Сначала надо пойти к грандессе Элинии, заручиться ее поддержкой. Она мой сюзерен и без ее разрешения идти к королеве было бы непорядочно. К тому же, если честно, то без ее помощи вряд ли я вообще смогу попасть в королевский дворец.

Ну, в этом я уже не разбираюсь. Тут ей видней, и я просто поддакиваю.

– К грандессе, так к грандессе.

–

Просыпаюсь от того, что солнечный луч разбудил наглую, жирную муху, и она, не переставая, жужжит у меня над ухом. Когда и как я заснула, не помню, и на чем мы остановились тоже. Помню лишь, что собирались к грандессе, но не с утра же ведь. Закутываюсь в одеяло с головой и пытаюсь вновь заснуть, но короткого куска шерстяной ткани не хватает на все тело, и мои торчащие голые ноги предстают перед той же мухой в виде чудесного утреннего подарка. Пытаюсь не думать о вальяжно прохаживающейся по моим ногам мухе, но не получается. К тому же поднятая пыль забивается в нос,

и не выдержав, я вскакиваю, с наслаждением чихаю и луплю по своей ноге. Мухи, конечно, там давно нет, она возмущенно жужжит где-то под потолком, но это уже не важно. Я окончательно проснулась и вздрогнула, вспомнив весь вчерашний день. А где же моя новоявленная хозяйка? Смотрю на пустую смятую постель и слышу ее твердый спокойный голос.

– Мара, раз ты проснулась, принеси воды. Мне надо умыться и одеться.

Мать Всех Ветров, я же теперь служанка, – взлетаю на ноги и упираюсь взглядом в стоящую у окна баронессу.

– Все, Ваша милость, уже бегу. – Хватаю с покосившегося стола большой глиняный кувшин и несусь к двери.

Уже в дверном проеме оборачиваюсь и вижу смеющиеся голубые глаза.

– И вот еще что, Мара, зови меня Луиза. Думаю, так нам обоим будет проще.

– Хорошо, Ваша милость... Ой! – морщусь от неловкости нос и тут же поправляюсь, – хорошо, Луиза.

Закрываю дверь и скатываюсь по лестнице. Где же у них здесь вода? – Стою в полутемном коридоре между залом и кухней.

– Эй, чего ищешь?

Верчу головой на звук и вижу здорового молодого мужика в белой, длинной рубаше с веревкой вместо пояса.

– Мне бы воды набрать для хозяйки. – Для убедительно-

сти поднимаю повыше зажатый в руке кувшин.

– А! – Мужчина расплывается в улыбке. – Это здесь, в кладовке.

Он протягивает руку и открывает скрипучую дверь рядом с собой.

– Я, Оли, сын хозяина, а тебя как зовут?

Несмотря на широко распахнутую улыбку, я просто кожей чувствую неприятности. Поэтому не тороплюсь отвечать, а подхожу и заглядываю вовнутрь. Там темно и пахнет плесенью. Поднимаю вопросительный взгляд.

– Здесь?

– Там у стены бочка стоит. – Хозяйский сынок радушно открывает дверь пошире.

– А что, света там нет? – Спрашиваю так, на всякий случай, потому что лезть в эту темень мне совершенно не хочется. А что делать, не могу же я вернуться с пустым кувшином в первый рабочий день. Зачем ей такая служанка?

– Не-а, – Взрыхлив вихры, парень скалится еще больше, – свечи только вечером зажигаем. Да ты не бойся, бочка здесь рядом, зайдешь сразу увидишь.

Видимо, придется идти, – кошусь на улыбчивого и бочком протискиваюсь в кладовку. Зайдя сразу же начинаю шарить рукой у стены в поисках бочки. Ничего. Зато слышу звук хлопнувшей двери и чувствую жаркие, потные руки, лезущие мне под подол.

– Ты чья будешь-то, красотка? – Мокрые губы слюнявят

мне ухо.

Ах ты, паскуда такая! – У меня от злости аж лицо переко-
силось. – Я с ним как с человеком, а он, тварь...

У меня в подобных делах опыт большой, много их таких
было, тех кто бесплатно, на халяву хотел попользоваться.
Тут первое правило, сразу не орать и не дергаться. Он этого
ждет и готов применить силу. Мужик, какой бы он не был,
все равно сильнее, а уж этот гигант и подавно. Поэтому, за-
совываю злость поглубже и, не сопротивляясь, позволяю ему
лапать себя. Пусть успокоится и расслабится.

Чувствую его сопение над ухом, его слюнявые губы на сво-
ей шее и терплю. Пока он за моей спиной ничего с ним не
сделаешь. Надо развернуться, но этот гаденыш зажал меня
так, что не шевельнешься. Хуже того, он уже задрал подол и
давит всей массой, пытаюсь меня нагнуть.

– Подожди, красавчик, – шепчу горячо и страстно, – давай
по-другому.

– Что? – Он, не разбирает слов, но интонации ему нравят-
ся, и хватка на мгновение ослабевает.

Поворачиваюсь к нему лицом. Я уже практически голая,
туника висит на талии, собранная в узкий поясок. Даже в
темноте ощущаю, как расплывается в сальной ухмылке рожа
напротив, а жадные руки тискают мою грудь.

– Вижу тебе понравилось. – Мужская ладонь спускается
вниз и впивается мне в зад.

Вот теперь пора, – моя рука с зажатым кувшином взлета-

ет вверх и что есть силы обрушивает глиняную посудину на голову негодяя. Удар прямо в висок.

Хрясь! Грохот, осколки и короткий вскрик человека, теряющего сознание. Со злым удовлетворением слежу как сползает с его лица сальная улыбочка, и как он валится ватным кулем к моим ногам. Жив, мертв, не знаю и знать не хочу. В таких случаях у нас есть только один удар. Только один и в него надо вложиться по максимуму. Заменжешься, подумаешь не о том и пиши пропало. Тут как с быком, если его не свалить, то он тебя затопчет.

Перешагиваю через лежащее тело и открываю дверь. Прежде чем выйти, одергиваю подол и натягиваю на плечи бретельки. Тут только до меня доходит в каком виде я все еще шляюсь. Прозрачная рубашка, чуть прикрывающая ягодицы. Мать честная! Неудивительно, что на меня первый же мужик бросился. Если застукают в таком виде рядом с этим, – бросаю взгляд на лежащее без движения тело, – то никто и слушать не станет, приговор очевиден – чокнутая шлюха убила приличного человека.

Выглядываю в коридор. Никого. Выскакиваю и тут же бросаюсь вверх по лестнице. Взлетаю на второй этаж и толкнув дверь врываюсь в нашу комнату.

– Что случилось? – Луиза резко разворачивается на шум.

Захлопываю дверь и приваливаюсь к ней спиной. Сердце все еще бешено колотится. Делаю глубокий вдох, выдох и поднимаю глаза на свою хозяйку.

– Кажется у нас проблемы.

– Что с тобой? – Взгляд баронессы уперся в мою разорванную тунику и вывалившуюся наружу грудь.

– Тут такое дело, – не знаю, с чего начать и выдаю то, что тревожит меня больше всего – кажется я хозяйского сынка прибила.

Глаза моей хозяйки наливаются холодом и мне кажется, что сейчас она врежет мне по первое число, но через мгновение гнетущей тишины Луиза лишь отрывисто бросает.

– Платье!

Кивком головы показывает на две свои объемистые седельные сумки и добавляет, подстегивая мою нерасторопность.

– Уходим немедленно!

Кидаюсь к ее не распакованному багажу и быстро вытаскиваю аккуратно сложенный сверху наряд, благо ничего другого там нет.

Длинная шелковая рубаша, батистовые нижние юбки, еще одна из чудесного, нежного бархата и лиф с шелковой шнуровкой на спине.

– Быстрее! – Моя хозяйка уже стащила с себя сапоги и штаны.

Стянув через голову рубашу, она бросает мне охапку одежды, которая только-что была на ней.

– Одевайся.

Я в замешательстве, что делать в первую очередь. Одевать

хозяйку или одеваться самой. Поскольку Луиза стоит совершенно голая, то решаю все-таки начать с нее. Опыта возни с таким количеством дорогой одежды у меня никакого. Да и откуда, мое тело кроме одной суконной рубахи никогда ничего не знало. Аккуратно расправляю платье, боясь порвать. Все такое тонкое и нежное, что хочется прижать эти ткани к лицу и замурлыкать. Наконец, разобралась и пошло быстрее. Чулки, юбки, затянула корсет и довольная выдохнула.

– Уфф!

– Туфли. – Палец Луизы вытянулся в сторону второй сумки.

Бегу опять в угол, распаковываю вторую. Туфли – блеск! Держу их на вытянутой руке и люблюсь матовым отливом кожи и тонким изящным каблуком. С тоской замираю над ними – будут ли когда-нибудь у меня такие?

Так замечталась, что не заметила, как подошла хозяйка и, забрав у меня из рук туфли, похлопала по плечу.

– Не спи, Мара, одевайся.

Со своей одеждой я справилась моментом. Штаны, сапоги, это почти моего размера, а вот с колетом проблема – для моей груди, эта курточка явно маловата.

– Н-да, – закусив губу протянула Луиза.

– С таким богатством, – она бросила взгляд на мою внушительную грудь и торчащие сквозь рубашку соски, – пажа нам из тебя не сделать.

Баронесса отбросила мужской берет в котором приехала

сама и подойдя, распустила мои волосы.

– Если уж мальчик из тебя не получается, то нет смысла и девочку прятать. – Затянув на моей талии тяжелый пояс, она пристегнула к нему свой меч. – Будешь моим оруженосцем.

– От меня ни на шаг, – голубые глаза прошлись по мне сверху до низу и ободряюще улыбнулись, – отлично выглядишь, Мара!

Глава 6

Спускаемся по лестнице, впереди Луиза, я следом. Уверенность хозяйки подействовала на меня ободряюще, я вообще с ней чувствую себя другим человеком. С того момента как я ее встретила во мне словно огонек какой-то зажегся. Я вдруг впервые за всю свою жизнь поверила в собственное будущее, поверила, что оно вообще у меня есть это будущее.

Луиза оборачивается и еле слышно спрашивает.

– А труп-то где?

Показываю ей в сторону кладовки.

– Должен быть там. – Сама поворачиваюсь туда и вдруг обращаю внимание, что дверь открыта, хотя я точно помню, как закрывала ее и еще давила плечом, чтобы дожать до конца.

– Что значит должен быть? – Баронесса уловила растерянность, повисшую на моем лице.

Что значит, что значит, – раздраженно передразниваю ее про себя, – если тебе уж так интересно, то сходи и проверь, а мне все-равно там он еще или нет.

– Ладно, черт с ним, – шепчет мне Луиза, – не до этого. Сейчас главное выскользнуть отсюда без скандала, а со всем, что ты натворила будем разбираться после. В первую очередь, надо попасть во дворец грандессы, а там видно будет.

Прошептав, она разворачивается по коридору в сторону

черного хода, и я еле поспеваю за ней. Темный узкий проход заставлен всяким хламом, мимо которого я пытаюсь проскользнуть и ничего не задеть. Мы благополучно миновали уже половину пути, и я совсем было решила, что в этот раз пронесло, и как сглазила. Стоило только подумать, как тут же распахнулась дверь, и в наш сумрачный мир ворвалось яркое солнце.

– Вот, черт! – Жмурюсь и прикрываю глаза ладонью.

В слепящем прямоугольнике дверного проема застыла фигура нашего «радушного» хозяина.

– Ваша милость, – в голосе трактирщика сквозит нескрываемое удивление, – вы уходите. Ждать вас к обеду?

По напрягшейся спине Луизы чувствую, что она не знает, как реагировать. Я и сама не пойму – неужели сынка еще не хватились?

Снимая все вопросы, в проеме появляется еще одна фигура и полностью заслоняет яркое солнце.

– Здрасьте, ваша милость. – Мой недавний знакомый привалился к косяку, держа на вытянутых руках ящик с рыбой.

Голова замотана белой тряпкой, левый глаз заплыл и налился одутловатой синевой.

Живой значит, – быстро перевожу взгляд с папаши на сына, не понимая пока, хорошо это или плохо.

– Куда ты лезешь с рыбой, идиот! – Лерон набросился с криками на сына, стараясь выпихнуть того обратно.

Младший Мутт даже не думая шевелиться, не обращает

никакого внимания на крики и тычки отца, он продолжает стоять в проходе и лыбиться, не спуская с меня глаз.

– Вот ведь наградили меня небеса сынком, – Хозяин таверны повернулся к баронессе и скорчил страдальческую морду, – сегодня вот с лестницы упал и всю башку себе разбил. И так мозгов было немного, а теперь, видать, и последнее вылетело.

А тот, о ком шла речь, расплылся в довольной усмешке и нагло подмигнул мне здоровым глазом. Я оторопела, – это что он со мной заигрывает, что ли? Может быть прав папаша, и сынок действительно умом тронулся после удара?

Луиза перевела взгляд с перевязанной головы хозяйского сынка на меня и, покачав головой, ответила трактирщику.

– Ничего, господин Мутт, зато здоровьем его богиня не обидела.

– Это да. – Лерон оставил бесплодные попытки вытолкать сына на улицу и с гордостью посмотрел вверх на возвышающегося над ним здоровяка.

Через минуту, правда, он спохватился.

– Ваша милость, вы заблудились, верно, в полумраке. Парадный выход в другую сторону по коридору.

Луиза тут же подхватила эту мысль.

– Вы правы, кажется, мы не туда свернули. – Зашелестев юбками, она развернулась и, подарив мне гневный взгляд, зашагала обратно.

Я, конечно же, повернулась за ней, но чувствую, взгляд

этого балбеса просто жжёт мне затылок. Оборачиваюсь и точно, упираюсь в засветившиеся радостью глаза. Награждаю его чуть раздвинутыми уголками губ. Ну а что? Парень туповат, но это же не преступление. Сглупил, получил по морде и ведь не стал же орать, не побежал жаловаться. Вон синячина какой, а его, кажется, это даже радует. Как я вообще могла подумать, что он умер, по-моему, он до сих пор расценивает мой удар как заигрывание.

Подмигиваю ему на прощание и думаю, – я еще об этом пожалею, – потому что умилительно-влюбленный взгляд этого громилы ясно говорит, что так просто он от меня теперь не отстанет.

Выходим из дверей и сразу же попадаем под палящее солнце, не знаю, как там себя чувствует моя хозяйка в своих юбках, а я так сразу вспотела в этой кожаной тужурке. Тем более идем быстро, шаг у Луизы широкий, видно, что сапоги она носила чаще, чем туфли.

– Вы уж простите меня, ваша милость. – Сбиваюсь опять на «милость».

Луиза, не сбавляя шага, поворачивает ко мне злое лицо.

– Я сегодня не умывалась, не подготовилась к встрече, думала о ерунде и выглядела полной идиоткой там у черного хода, – она остановилась и вперила в меня колючим взглядом, – и все потому, что понадеялась на тебя.

– Ваша милость...!

– Мы же договорились, – ее губы вытянулись в тонкую

нить, – или ты даже это не способна запомнить.

– Простите, Луиза, – говорю и опускаю глаза, а сама думаю, разозлилась-то ни на шутку, сейчас лучше к ней не лезть. Может отойдет, я ведь старалась. Ну что я виновата, что так все вышло по-дурацки.

Дальше идем молча, пересекаем рынок. Народу полно, кажется, никто на нас не обращает внимания, но я то знаю, что это не так. Сколько бы тут не было людей все-равно все друг друга знают, я сама на таком рынке выросла. Новеньких, а особенно таких заполошных и торопящихся, как моя хозяйка, тут вычисляют на раз. Отстаю на шаг от Луизы и жду. Ага, вот и он, – вижу молоденького паренька, пристраивающего сбоку от моей хозяйки. Вот его грязная, худая рука едва заметным движением скользнула к кошельку на поясе Луизы. Между пальцами блеснула отточенная монетка. Еще мгновение, и моя баронесса никогда уже больше не увидит своего красиво расшитого кошелька, но ей повезло. У нее есть я.

Вор в такой момент полностью нацелен на жертву и ничего не видит вокруг. Захожу ему за спину и в тот самый миг, когда он уже мысленно считает дело сделанным, сильно бью ногами по вытянутым пальцам. Звяк! Монета заскакала по булыжникам мостовой, а воришка, молодец, даже не пикнул. Короткий испуганный взгляд назад, и я лишь отрицательно качаю головой – ничего не выйдет, проваливай. Он скалитя мне в ответ и тут же исчезает в толпе словно его и не было. Все это произошло настолько быстро, что Луиза, ничего не

заметив, даже не сбавила шага. Она по-прежнему спешит и ничего не видит вокруг, оно и понятно, может быть, если бы я была так же влюблена, то тоже бежала бы, как полоумная, спасти своего героя. Но слава Великой Матери, я во всю эту чушь не верю, поэтому хоть у одной из нас глаза всегда открыты.

Глава 7

Два рыцаря в зеленых плащах опустили перед нами свои огромные алебарды. Еще один, поправив торчащие в разные стороны усы, вежливо осведомился.

– Куда направляетесь, дамы? – Не удержавшись, он все же скосил взгляд в мое импровизированное декольте.

Луиза, раздраженная непредвиденной задержкой, метнула на него разгневанный взгляд.

– Я, Луиза, баронесса Бренер, иду на аудиенцию к грандессе Элинии Эстегон.

Тот обреченно вздохнул и посмотрел на нас как на неразумных детей.

– Ничего о вас не слышал, госпожа баронесса, а без приказа я вас пропустить не могу. Тем более Ее Сиятельства нет в замке.

– Что! Вы меня не пускаете?

Вижу, моя госпожа-подруга остолбенела от неожиданности и сейчас взорвется от гнева и растерянности. Ее рука привычным движением опустилась к бедру в поисках рукояти меча, и зная ее бескомпромиссный характер, предчувствую, что усачу сейчас достанется. А ругаться с властью, как подсказывает мой опыт, дело глупое и неблагодарное, поэтому, пользуясь ее минутным столбняком, выхожу вперед и, стреляя глазками в этого усатого «таракана», сладенько так

интересуюсь.

– Так что же нам делать? Моей госпоже очень, очень надо попасть на прием.

Кинув еще один взгляд в вырез моей рубахи, стражник расплылся в довольной улыбке и кивнул в сторону небольшой группы людей у стены.

– Грандесса должна скоро вернуться. Эти люди ее ждут, в надежде, что она остановится выслушать их. Вы можете присоединиться к ним и тоже попытаться счастья.

– Что! – Очнулась за моей спиной Луиза. – Я, как простолюдинка, должна стоять у стены.

Разворачиваюсь и, обхватив рвущуюся в бой хозяйку, тащу ее сторону.

– Луиза! Ваша милость! Ну чего вы разнервничались так. Шепчу ей на ухо, стараясь успокоить как могу.

– Сейчас постоим, подумаем, не стоит горячку пороть. Еще, чего доброго, платье испачкаете или того хуже – порвете.

Неожиданно последний аргумент произвел действие, Луиза перестала вырываться и хвататься за рукоять меча. Оправив подол и выдохнув, она немного успокоилась, и в ее глазах замелькала лихорадочная работа мысли.

Начинаю переживать за нее, – да она совсем не готова к реальной жизни за пределами своего замка. Вот, что она думала, ее тут ждут с распростертыми объятиями или, что стоит ей сказать, что она баронесса Бренер, и все двери тут же

откроются перед ней. Да таких нищих баронесс после войны можно ведрами черпать.

Работа мысли у моей хозяйки закончилась ничем и выплеснулась в такой вот незатейливый вопрос.

– Что же делать?

– Подождем. – Упираюсь спиной в стену и, вскинув глаза к небу, демонстрирую полную безмятежность.

– Подождем.

Луиза повторила слово, но не успокоилась, а нервно заходила туда-сюда.

Посматриваю в разные стороны и вижу, что рядом с нами подпирают стену еще десятка два таких же бедолаг, но в отличие от нас глаза у этих людей погасшие и от них просто веет безнадегой.

Видать давно здесь торчат, – мелькнула у меня мысль, – и судя по их виду, «милостивая» хозяйка замка ни разу не почтила их своим вниманием.

Плавное течение моих размышлений прерывает остановившаяся передо мной Луиза.

– Что будем делать? Мне просто необходимо попасть к ней на прием.

Она снова ушла в себя, но скользнувшую мысль все-таки произнесла вслух.

– Если я даже к грандессе не смогла пробиться, то как я попаду к королеве?

– Ваша милость, – сорвав травинку, я засунула ее в рот, –

вы не нервничайте так. Вот придет эта ваша грандесса, тогда и будем решать, что и как.

Ехидно растягиваю губы в улыбке.

– Может она вообще остановится и спросит, – Ну как вы, дети мои, поживаете?

В ответ получаю лишь осуждающий взгляд, и продолжение нервных хождений перед моим носом.

Меня уже начало по-настоящему припекать, когда послышался топот копыт, и публика у стены заволновалась.

– Едет!

Мужичок в помятом сюртуке, неподвижно сидевший рядом у стены тоже вскочил и, прислушавшись, заключил.

– Грандесса Элиния возвращается!

Из темноты улицы на залитую солнцем площадь вылетела четверка рыцарей в зеленых плащах, и их тяжелые лошади загрохотали копытами по брусчатке. Следом показалась окруженная свитой сама грандесса. Дамское седло, длинная юбка изумрудного цвета на фоне позолоченной конской попоны. Бледное узкое лицо в ореоле черных волос смотрит только вперед, не обращая внимания ни на что вокруг.

Тут у меня появляется стойкое ощущение, что напрасно мы тут стоим, этой даме сейчас не до нас, и если бы даже мы все прыгали и махали руками, она все-равно бы нас не заметила. Бросаю короткий взгляд на Луизу, и по ее побледневшему лицу вижу, что она понимает это не хуже меня. В моей голове сразу же прорисовывается вся безнадежность бли-

жайшего будущего. Мы застрянем в этом чертовом городе, у Луизы закончатся деньги, и она вернется в свой замок, а меня поймают и опять упекут в публичный дом. Нет, – отчаянная мысль взрывается в моей голове, – я должна что-то сделать, чтобы этого не случилось! Вспоминаю, как в Городе Ветров действовала наша банда – если в город въезжал одинокий чужак незнакомый с нашими порядками. Мы караулили его на пустой улице, где я неожиданно бросалась под его лошадь, и пока перепуганный бедолага орал на меня, парни чистили его седельные сумки. В этом деле я наловчилась изрядно, тут главное не угодить под копыта и вовремя свалить, чтобы прозревший чужак не отметелил или не сдал страже.

Понимаю, несущаяся галопом кобыла и бредущая усталая лошадь – это две вещи разные, но другого-то выхода нет. Луиза должна получить свой шанс, ведь ее шанс – это и мой шанс вырваться отсюда.

Зеленые рыцари уже пролетели мимо нас, и я напряжинилась, готовая к броску. В голове только одна мысль – надо остановить эту тетку во чтобы то ни стало.

Белая лошадиная морда стремительно приближается. Растегнутый пояс с мечом упал на землю – помешает. Раз, два, три, пошла, – командую сама себе и прыгаю вперед, поджимая ноги и хватая проносящуюся лошадиную морду под уздцы. Испуганная кобыла пытается взлететь на дыбы и машет копытами. Вокруг крики и дикое ржание. Чей-то истерический вопль.

– Нападение на грандессу!

Несколько мгновений этого безумия и все. Лошадь, захрепав, остановилась и, разжав руки, я падаю на землю. Не успеваю даже вздохнуть, как стальной наконечник копья упирается мне в грудь. Вижу, не шутят, стоит только дернуться и пришпилят к мостовой как бабочку. Лежу раскинув руки и не дышу.

– Кто ты такой? – Откуда-то из заоблачной высоты надо мной склоняется размытый контур бледного лица.

Не давая мне вымолвить ни слова, жесткие руки хватают за шиворот и, грубо встряхнув, ставят на ноги. У меня в голове еще полный бардак и сумбур, перед глазами все плывет и в ушах гудит, словно колокол на звоннице. Видать все-таки приложилась я хорошо. Пытаюсь прийти в себя и слышу голос человека, схватившего меня мертвой хваткой.

– Это женщина, Ваше Сиятельство.

В голове чуть прояснилось, и я уже отчетливо вижу удивление на лице грандессы.

– Женщина? Кто ты такая? Зачем ты это сделала?

Так, думаю про себя, где же моя хозяйка? Сейчас кажется самое время ей появиться.

Руки, держащие за шиворот, встряхнули меня так, что кажется сейчас из меня все косточки высыпятся.

– Ты что оглохла, тебя Их Сиятельство спрашивает.

От этого рыка у меня вдруг перестало звенеть в ушах, и голова прояснилась. Ищу глазами Луизу. Вот она. Стоит, ра-

зинув рот. Кажется, мой финт поразил ее не меньше всех остальных. Моргаю ей изо всех сил, мол давай, скажи что-нибудь, а она только глазами хлопает.

Глава 8

– Ты немая, что ли? – Тяжелая рука вlepила мне такую затрещину, что голова чуть не отвалилась.

Тут видимо до моей баронессы дошло – пора вмешиваться. Она нагнулась и, подобрав свой пояс с мечом, вышла вперед, однако никто кроме меня ее отчаянный шаг не заметил, все были слишком увлечены выбиванием из меня признания.

– Это моя служанка.

Голос Луизы заставил всех обернуться.

– Служанка? – Грандесса перевела удивленный взгляд с меня на Луизу и обратно.

Рыцари в зеленых плащах, успевшие сориентироваться, уже взяли в кольцо мою хозяйку, но грандесса жестом остановила их.

– А ты кто?

В глазах Элинии впервые вспыхнуло искреннее любопытство.

Вскинув подбородок, Луиза встретила ее грозный взгляд.

– Я, Луиза, баронесса Бренер. – Глаза опустились, и голова почтительно склонилась.

– Бренер?

Грандесса, чуть тронув каблуками лошадь, подъехала ближе и внимательно взглянула в лицо Луизе.

– Я знала твоего отца. Сожалею о его кончине, он всегда был верен нашей семье и долгу.

Она выдержала подобающую паузу и добавила, кивнув в мою сторону.

– Ну и зачем, баронесса Бренер, вы все это устроили.

В ответ Луиза лишь иронично улыбнулась и развела руками.

– У меня не было другого выхода, это единственный способ попасться вам на глаза.

Лицо грандессы напряглось, и властный взгляд ожег мою хозяйку холодом.

– Вы понимаете, баронесса, что это также отличный способ оказаться в казематах замка за неуважение к своему сюзеру.

Рыцари, загремев железом, сомкнули кольцо вокруг девушки.

Луиза опять почтительно склонила голову.

– Я всего лишь хотела изложить вам свою просьбу.

В глазах грозной всадницы потух вспыхнувший было гневный огонь, и на лице отразилась печать воспоминания. То, что она вспомнила в этот момент в одно мгновение поменяло ее отношение. Разгладились жесткие черты, и в суровом облике проступило что-то человеческое. Возможно ей подумалось, что если бы давным-давно к ее мольбам отнеслись по-другому, то жизнь ее была бы намного счастливее.

– Хорошо, я дам вам такую возможность. – Грандесса взя-

лась за поводья, коротко бросив страже.

– Проводите баронессу в замок.

Один из советников ее свиты тут же наклонился к ее плечу и начал что-то страстно ей нашептывать. Губы властительницы клана презрительно скривились в ответ.

– Пусть ждет. – В ее глазах зажегся злорадный огонек. – У меня есть дела поважнее, чем выслушивать его бесконечное нытье.

И уже одобряюще посмотрев на стоящую у ее стремени Луизу добавила.

– Я приму вас, баронесса, незамедлительно.

Охрана, оставив меня и Луизу, тут же повскакивала в седла, и свита вместе со своей госпожой, уже не торопясь, тронулись к воротам. Рядом с нами остался только один всадник. Совсем молодой парень в пышном бархатном берете с соколиным пером. Он спрыгнул на землю и, поклонившись Луизе, представился.

– Паж Ее Сиятельства Серен ла Гуин. – Он еще раз поклонился. – Я провожу вас в замок, сударыня.

–

Большой зал заполнен светом, льющим из огромных окон. Я и паж Ее Сиятельства остались в этом царстве роскоши совершенно одни. За Луизой только что закрылись высокие дубовые двери, ее увели на аудиенцию с грандессой. Мне приказано ждать здесь. Среди всего этого сияния позолоты, мрамора и малахита чувствую себя не в своей тарелке,

отовсюду пялятся каменные лица грандов, и их разинутые рты словно бы гневно орут на меня – как ты смела прийти сюда, маленькая шлюшка.

Хорошо хоть этот парень остался со мной, а то бы я совсем растерялась. Он неподвижно стоит рядом, и его скучающее выражение лица действует на меня успокаивающе. Мы с ним как близнецы, одеты практически одинаково, разве что его колет застегнут наглухо, а мой только на две нижние пуговицы, да меч баронессы на моем поясе посolidней, чем его игрушка, а так, даже волосы у него почти такой же длины как у меня.

Звуки шагов за дверью затихли и из моего провожатого словно вытащили стальной стержень. Он весь расслабился и, облокотившись спиной на колонну, окинул меня снисходительным взглядом.

– Ты рот-то закрой, деревня. Первый раз что ли здесь?

Не знаю, что меня больше поразило, эта магическая перемена или то, что он меня деревней назвал, но симпатия к парню из меня сразу улетучилась. Руки непроизвольно сжали ножны меча как дубину.

Лицо этого дворцового хлыща тут же растянулось в довольную широкую улыбку.

– Эй, ты чего такая нервная, я же пошутил.

У меня настрой меняется не так быстро, поэтому цежу слова, посверкивая исподлобья глазами.

– Там, где я выросла, за такую шутку ты уже без зубов бы

остался.

Нахальный паж сделал вид, что не больно-то испугался, и, продолжая нагло пялиться, наставительно заявил.

– Ты свои дикие замашки оставь. Тут тебе город, а не деревня, здесь гонор не в почете. Надо уметь разговаривать людьми.

Презрительно фыркаю ему в ответ.

– Это с тобой с что ли?

– Да хотя бы и со мной.

На этом наша пикировка заканчивается, и мы оба резко разворачиваемся на звук стремительно приближающихся шагов и громкого раздраженного голоса.

– Что она о себе возомнила!

В приемную залу влетел невысокий крепкий старик с седой ухоженной бородой.

– Я, Вильсари Артегон, брат ее отца, а она заставляет меня ждать.

Рядом с ним семенит тот самый тип, что шептал о чем-то грандессе, там на площади. Мелькают затянутые в белые чулки тощие ножки, и бледное худое лицо шевелит губами у самого уха разгневанного гостя.

– Ваше Сиятельство, не стоит принимать все так близко к сердцу, это чистейшей воды недоразумение.

– Недоразумение!

Старик остановился и уставился на сановника побагровевшим лицом.

– Недоразумение, это когда женщина правит городом и вольным кланом. Вот это настоящее недоразумение!

Худой забежал глазами вокруг – слышал ли кто эти крамольные слова. Не считая нас и свиты вновь прибывшего – никого. Он нервно вздохнул.

– Ваше Сиятельство, я вас очень прошу поаккуратней со словами. Семейная ссора семейной ссорой, но это уже изменой пахивает.

Мне показалось, что бородатый сейчас взорвется от гнева, он уже разинул рот, но тут из его свиты вышел вперед молодой человек.

– Отец, мы ведь не ругаться приехали.

Его спокойный тон подействовал успокаивающе. Вильсари Артегон затихая, мягко посмотрел на сына и тут же бросил уже совершенно другой взгляд на встречающего чиновника.

– Хорошо, мы подождем.

Решившись, он с показной раздражительностью плюхнулся на диван, а свита, стараясь держаться подальше от своего разгневанного предводителя, расплзлась по всей противоположной стене зала.

Полтора десятка здоровенных молодых мужиков в начищенной как на парад броне, аж глаза слепит. Все как на подбор, но один особенно хорош. Тот, что стоит рядом с сыном этого злыдня. Не мужчина, а просто мечта! Черные волосы вьются до самых плеч. Лицо открытое, и глаза, яркие

как звезды!

– Ты чего вылупилась так, – слышу рядом ехидный голос наглого пажа, – а еще на «деревню» обижалась. Деревня и есть.

Чувствую правоту моего провожатого, чего я действительно уставилась-то на него, но вслух признавать это нет никакого желания.

– Да, пошел ты! – Это все на что меня хватило.

Фыркаю и резко отворачиваюсь, но боковым зрением успеваю заметить, – мать честная, красавчик на которого я так беззастенчиво пялилась отошел от своих и медленно направляется в нашу сторону. Не знаю отчего, но я вдруг перепугалась насмерть. Что делать? Что я ему скажу?

Глава 9

– Давно ли дамы при дворе Элинии стали одеваться как мужчины?

Незнакомец возвышается надо мной как гора и оттуда с заоблачной высоты слепит меня своей сияющей улыбкой. Примерно вот так я ощущаю всю картину и нахожусь в странном ступоре, делающим меня похожей на идиотку.

– Я не дама.

Слышу свое невнятное бормотание и от ужаса мысленно ору на себя, – что ты несешь, совсем сдурела от всей этой мишуры. Расскажи ему еще, что ты шлюха подзаборная.

– Так вы не придворная дама грандессы, – в изучающих меня глазах появилась искорка удивления и любопытства, – тогда кто же вы?

Кто же я? Действительно, кто же я такая? Простой казалось бы вопрос, но он загоняет меня в полнейший тупик, и ведь не сказать, что я робкого десятка, скорее наоборот, в общении с мужчинами в карман за словом не лезу, но тут просто напасть какая-то. Этот парень меня словно околдовал. Все слова в горле застряли. Смотрю на него снизу-вверх и только глупо улыбаюсь в ответ.

Паж, что все это время наслаждающийся моей растерянностью, неожиданно решил встрять.

– Она с баронессой Бренер приехала.

В этот момент даже не знаю злюсь я на него или благодарна. Все-таки неловкая пауза разорвана, и внимание незнакомца на мгновение переключилось на бесцеремонно влезшего в разговор пажа. Он смерил его долгим изучающим взглядом и наглой прыти у нахального юнца сразу же поубавилось. Рот закрылся, и глаза опустились к полу.

Лицо рыцаря вновь повернулось ко мне, и на нем мгновенно зажглась прежняя сиятельная улыбка.

– Так значит вы дама баронессы Бренер?

Дама? – Прикидываю про себя. – Звучит лучше, чем служанка или уличная девка.

К счастью открыто врать не приходится, пока я решала, что же ответить, он уже все решил сам, и сам же себе ответил на все свои вопросы. Мужчины! Иногда с ними так легко.

– Значит ваша госпожа приехала к грандессе? Так, так. – Иронично прищурившись, он продолжает изучать мое лицо, словно бы задавая вопросы самому себе. – И надолго вы в городе?

Я вдруг успокоилась. Ну красивый мужик и что? Мало ли я видела красивых мужчин, да не перечечь. Наверное, это просто психоз был, вся эта нервотрепка последних дней, да и обстановка вокруг тоже давит, я столько роскоши за всю свою жизнь даже на картинках не видела.

Красавчику, кажется, надоело самому себе отвечать на свои же вопросы, и он начал проявлять нетерпение.

– Вы не хотите со мной разговаривать или это тайна?

Я уже окончательно вошла в колею, и нацепила на лицо свою обычную, для общения с мужчинами, иронично-сниходительную маску.

– Да нет, просто я жду, когда же вы, наконец, сообразите представиться.

По лицу мужчины пробежала довольная усмешка, словно бы его внутреннее я вскричало – ого, противник, значит победа не будет легкой, – и он тут же щелкнул каблуками и чуть склонил голову.

– Барон Шуан ла Бордье, к вашим услугам.

Протягиваю ему кончики пальцев.

– Мара л... – Словно бы спохватываюсь в последний момент и, обрывая фразу, восполняю ее обворожительной улыбкой, мол упоминание полного имени для меня нежелательно.

– Подруга и компаньонка баронессы Бренер.

Сколько раз я видела подобное, прячась в темноте и наблюдая за шикарным подъездом дома тайных свиданий, того места, где богатейшие люди Города Ветров предавались наслаждению запретных удовольствий. Тогда сидя в кустах акации, я с замиранием сердца рассматривала восхитительные платья и восхищалась беззаботным смехом, изящными движениями и тонкой игрой недосказанных фраз.

Мои пальцы в плену могучей ладони, и она явно не собирается отпускать их на свободу. Поднимаю вверх глаза и встречаюсь с адской глубиной черных зрачков. Они прони-

зывают мое лицо, опускаются к ложбинке стянутой рубахой груди и, возвращаясь к губам, словно бы кричат мне, – я хочу тебя. Вот так вот нагло и откровенно, но при этом как-то задорно и элегантно, как бы подначивая меня и иронично спрашивая «а ты, ты ведь тоже хочешь этого»? Мне бы возмутиться такой откровенной наглостью, но вместо этого я лишь чувствую горячую волну возбуждения и растущее желание.

– Мне кажется, прекрасная Мара, – лицо барона склоняется ко мне, – мы здесь застряли надолго. Вы явно впервые в этом месте и если бы вы согласились, то я мог бы показать вам замок, или мы могли бы прогуляться в парке. Знаете ли здесь есть на что посмотреть.

По части игры в недосказанное, этот парень тоже большой мастер и понять какую именно экскурсию мне предлагают не составляет труда, но я смотрю на его сочные губы, шепчущие совсем близко от моего лица и чувствую, что совсем не против маленького приключения.

Но как быть с Луизой, – бросаю взгляд в сторону дверей, они по-прежнему плотно закрыты, – может быть он прав и переговоры надолго. Чем дольше я размышляю, тем сильнее мне хочется поддаться искушению. Вновь поднимаю лицо и упираюсь в большие почти черные глаза. Барон по-прежнему держит мою ладонь и тепло его руки обжигает меня сквозь перчатку, а чуть приоткрытый рот, призывно улыбаясь, обнажает кончики белых зубов.

Какого дьявола, – наконец, уступаю самой себе, – ничего плохого ведь не случится, если я позволю себе развлечься с этим красавчиком.

Барон словно прочел это решение в моих глазах.

– Пойдемте, – его рука повела меня за собой, – я покажу вам одну замечательную комнату, обещаю, она вам понравится.

– Шуан, не пропадай надолго.

Мы оба поворачиваемся на голос. Молодой человек рядом с креслом злобного старика смотрит в нашу сторону.

– Мой друг и господин. – Губы Шуана волнительно прижимаются к моему уху. – Единственный наследник и возможно будущий гранд клана Изумрудной травы, Дорье Артегон.

В интонации «возможно следующего гранда» слышится легкая снисходительность к слабости друга, говорящая мне, что мой кавалер из тех, кто не пропустит ни одной юбки и ни одного смазливого личика.

Ну что ж, – улыбаюсь про себя, – мне без разницы, не замуж же я за него собралась. От этой мысли я еще больше завелась. Вообще-то мне нравится «это дело» и если без насилия и «по любви», то я всегда соглашалась обслужить мужика, ну а если он еще и симпатяга как этот, то иногда это случалось и бесплатно.

Выйдя из зала мы сворачиваем по коридору, и с каждым секундой шаг наш становится все быстрее и быстрее, словно

бы мы, не сговариваясь, решили не тратить попусту время на болтовню, а скорее получить то, чего мы оба так хотим друг от друга.

Глава 10

Тот закуток, куда он меня втащил, даже комнаткой называть нельзя, так, скорее, кладовка для всякого хлама и, более того, давно забытая всеми кладовка, ну за исключением моего любовника, по тому, как он уверенно ориентируется в темноте, чувствуется, что навевается мой красавчик сюда частенько.

Не успела захлопнуться дверь, как он уже прижал меня к стене и вонзился в губы затяжным поцелуем. Ух ты, – успеваю только охнуть, подставляясь под его напор и позволяя его языку хозяйничать. Ножны с мечом, одежда, все сыпется с меня как осенние листья с дерева, и я уже чувствую его нахальную ладонь, втискивающуюся мне между ног. Мои руки не отстают и лихорадочно стаскивают с мужчины штаны. Бушующая страсть и нетерпение просто рвется из нас наружу. Стоящая плоть упирается в мой живот, и я сжимаю ее рукой. Чувствую в своей ладони негибаемую силу и на мгновение меня обжигает озорная мысль, что в других условиях я бы обязательно показала ему, что способен сотворить мой рот с его штукой, но не сейчас. Сейчас слишком мало времени, того и гляди нас хватятся и чего доброго еще найдут здесь, вот будет позорище. Шальные образы прокатились волной возбуждения, а мужские руки уже разворачивают меня спиной, и я выгибаюсь подставляя свое лоно. Мои растопырен-

ные ладони упрутся во что-то твердое, и лицо почти прижато к стене, со стоном встречаю его первый жесткий толчок, и вдруг замираю. Что это? До моего слуха доносится еле слышный звук похожий на разговор. Прижимаюсь ухом к трещине в стене и явственно слышу голос грандессы.

– Я не понимаю тебя, баронесса, ты просишь за человека, который тебя изнасиловал, убил твоих людей и разграбил твой замок?

– Да.

Тихий ответ Луизы я скорее чувствую, чем слышу.

– Не понимаю, да ладно, это твое право, – к голосу Элинии добавился цокот ее каблуков, – но ты хочешь, чтобы я тоже присоединилась к твоей просьбе. Так ведь?

– Да.

Чтобы расслышать свою хозяйку, буквально вжимаюсь в стену, но толчки, стоны и хрип у меня за спиной чертовски мешают. Еле-еле разбираю.

– По крайней мере мне нужна ваша помощь, чтобы попасть в королевский дворец.

– Ну, с этим, пожалуй, ты и сама неплохо справляешься.

Чувствую, как губы грандессы кривятся саркастической усмешкой, а голос Луизы становится звонче.

– Я в отчаянном положении и молю вас о помощи. Без вас мне не пробиться к королеве.

И опять еле слышно.

– ...Вийон, он не такой. Он чистый и благородный, а все

что с ним было – просто помутнение рассудка. Я обещаю, если вы мне поможете, то у вас и у королевы не будет более преданных слуг, чем граф Вийон ла Руа и я.

Пылкая речь Луизы закончилась, и наступившая тишина наполнила меня испугом, что я не узнаю, что же дальше. Я так расстроилась, что совершенно забыла где, и в какой позе нахожусь. Очередной толчок моего любовника, больно приложивший меня лбом о стену, напомнил о том, чем я тут занимаюсь. Выругавшись про себя, жмусь ухом к щели, но мой барон так разошелся, что я ничего не могу разобрать. Надо выбирать. Хотя и выбирать собственно не из чего, эйфория и возбуждение уже испарились, а вот узнать чем завершатся переговоры – не терпится, аж свербит.

Так! Быстро разворачиваюсь и со словами, – закончим как-нибудь в другой раз, спихиваю с себя ничего не понимающего мужчину.

Перед лицом огромные залитые удивленным возмущением глаза. Он растерян и не понимает что происходит, а я, пользуясь моментом, просто выталкиваю его из кладовки. Захлопываю перед его носом дверь и перевожу дух, тут же собираю его барахло, валяющееся по полу и, приоткрыв дверь, выбрасываю наружу. Вид у моего барона просто очумелый, мне даже жалко его стало на секунду, а взглянув на его торчащий в небо набухший член, я чуть было не дала слабину, но вовремя очухалась, – там за стенкой решается и мое будущее тоже, так что к черту! Захлопываю дверь и

подперев ее шваброй, кидаюсь опять к той щели в стене, через которую я подслушивала.

– Ты так уверена в своем влиянии на графа?

Облегченно вздыхаю, услышав голос грандессы, – кажется ничего не пропустила.

– Ведь если не ошибаюсь это именно его прозвали Бешеным псом.

– Да его, но это ничего не меняет. Если Вийона помилуют, то я гарантирую, что меч Вийона ла Руа будет служить только королеве и вам, моя госпожа.

За стеной опять затишье, и еле слышные шаги грандессы. Уже начинаю нервничать, но Элиния, наконец, продолжает.

– Положение в стране сейчас очень сложное. Королеве, как и мне, не на кого опереться, гранды и бароны после войны совсем распоясались. С одной стороны, казнь такой одиозной фигуры как граф ла Руа многим бы прочистила мозги, тут я королеву хорошо понимаю, но с другой, твое предложение...

Она вновь заходила и это продолжалось так долго, что у меня затекла шея и еще... Еще чувствую на своей заднице что-то липкое и холодное. С удивлением распахиваю глаза, – он что успел кончить все-таки, – испытываю непреодолимое желание стереть со своих ягодиц эту гадость немедленно, но не двигаюсь, боясь пропустить хоть что-нибудь. И не зря. Вновь слышу Элинию и появившиеся в ее голосе совершенно новые интонации

– Кроме королевы есть еще один человек от которого зависит судьба твоего избранника, это, как ты понимаешь, глава Священного трибунала. Исфагиль Туарон не только первый борец с магией, но также и член королевского суда и от его решения очень многое зависит, но даже не это главное. Главное в том, что он очень сильно мешает как мне, так и королеве. По сути этот человек является идеологическим вдохновителем любого сопротивления королевской власти. К примеру, возьмем хотя бы ситуацию в нашей земле, королева поставила меня грандессой клана Изумрудной травы, а Исфагиль открыто поддерживает моего дядю в притязаниях на власть в клане, и так по всей стране. У них с королевой вроде бы негласное соглашение о ненападении и лояльности, но это ничего не значит. Они оба спят и видят, как бы избавиться друг от друга.

Наступившую тишину нарушает едва слышный голос Луизы.

– Не понимаю, как я могу помочь.

– Не торопись с ответом.

Элиния многозначительно замолчала, и я в ожидании продолжения буквально влипаю ухом в трещину, но ничего не слышу. Ощущение такое, словно Элиния подошла в плотную к Луизе и что-то рассматривает.

– У тебя на шее висит кольцо, откуда оно?

Вопрос мне кажется странным, но это не важно, вслушиваюсь в ответ Луизы.

– Этот амулет подарила мне моя мать перед самой кончиной.

– Вот как. Очень интересно.

Удаляющееся цокание каблучков и шумный шорох юбок, усаживающейся в кресло грандессы, а затем вдруг опять резкая смена темы.

– Вот что я тебе скажу, баронесса, ты, как я успела убедиться, девушка решительная и смелая, поэтому у меня к тебе будет очень интересное предложение.

Опять минутная тишина, словно Элиния все-еще сомневается вмешиваться ей или нет.

– Видишь ли, до меня тут дошла одна очень занятная новость. Просто невозможно поверить, но если это правда, то она может в корне изменить расклад сил в стране.

Еще одна пауза, но теперь уже короче.

– В общем, появились сведения, что у нашего непогрешимого председателя Священного трибунала есть дочь, и не просто дочь, а носительница той самой черной магии, против которой так беспощадно борется ее отец. Иначе говоря, ведьма, можешь себе представить?

Не знаю как Луиза, а я прям оторопела, мне, не раз слышавшей проповеди Туарона, точно трудно представить себе такое, но от этого я только еще сильнее припала к трещине.

– Так вот, наш борец с бесовщиной, вместо того, чтобы вместе со всеми прочими предать свою дочь суду трибунала и отправить на костер, взял и спрятал свою дочурку. Вот те-

бе и праведник! Мои люди долго искали ее след, очень долго и старательно. И вот, наконец, удача улыбнулась нам, мы почти нашли ее. Я говорю почти, потому что след дочери обрывается у ворот школы Святой и Непорочной Веры. Что тут скажешь, хитро. Спрятать ведьму в самой цитадели борьбы с нечистью, в оплоте и фундаменте Священного трибунала. Хитро и безопасно, ведь вход туда закрыт для посторонних и даже королева может войти в школу только по приглашению. Понимаешь меня теперь?

– Честно говоря, нет.

Благосклонная мягкость тут же исчезла из голоса грандессы.

– Ладно, скажу яснее. Ты поступишь в школу и найдешь нам его дочь вместе с убедительными доказательствами ее причастности к черной магии, а как только найдешь, то дашь знать. Обещаю, что школу тут же посетит королева и сам глава трибунала. После этого у Исфагиля будет только два пути, либо почетная отставка, либо вместе с дочерью на эшафот. И то, и другое королеву очень устроит, так что после этого ты можешь просить у нее любой милости, она не откажет. Обещаю.

Теперь тишина повисла по-настоящему гнетущая. Я не отлипаю ухом от стены, а в голове уже заскреблось, – а как же я? Как же возвращение в столицу?

Молчание первой все-таки прервала Элиния.

– Так что скажешь, согласна?

Луиза не спешит с ответом, и я ее понимаю, предложение прямо скажем так себе, от него за версту несет подставой, но с другой стороны, а какой у нее выбор. Чувствую, сейчас она согласится, а еще, чувствую – все, больше не могу, спина затекла и так чешется, что сил нет никаких больше терпеть. Стискиваю зубы, и к счастью, слышу голос своей хозяйки.

– При поступлении в школу очень строгий отбор, а что если я не пройду?

– А ты постарайся, ты же ведь хочешь спасти своего графа.

Жутко хочется выпрямиться и почесаться, но держусь из последних сил и ловлю каждое слово Луизы.

– У меня еще одна просьба.

Тишина, но ощущаю, как на себе вопросительный взгляд грандессы, и мгновением позже ответ Луизы.

– Могу я взять с собой свою подругу.

Мать честная, – вздрагиваю от неожиданности, – это она про меня что ли? И словно пробуя слово на вкус, довольно повторяю – подругу.

– Это ту, что сегодня под лошадь мою бросилась?

– Да.

– Прыткая девица. Но ты же сама сказала, в школе очень жесткий отбор, справится ли она? Впрочем, дело твое. Хочешь бери, может быть, вдвоем вам будет сподручней, но помни, жизнь твоего графа напрямую зависит от того сделаешь ли ты все как надо или нет. Ты поняла меня?

– Да, и я согласна.

Услышав ответ Луизы, я больше не в состоянии терпеть и со стоном сажусь на пол. С блаженством распрямляюсь, – мать всеблагая, как-хорошо-то. Яростно чешу спину и стираю засохшую сперму со своей задницы.

Глава 11

Аккуратно, почти беззвучно ставя каждый шаг, захожу в приемную залу. Стараюсь по максимуму не привлекать к себе внимание, и все равно мне кажется, будто все пялятся на меня. Встаю на то же место, где я и стояла полчаса назад. Наглый паж, скосив на в мою сторону взгляд, делает вид, что не видит меня в упор. Мне в общем-то все-равно, что там обо мне думает всякая дворцовая шелупонь, я здесь человек случайный, залетела на миг и больше никогда никого не увижу. Держу взгляд точно на дверь, из которой должна появиться Луиза и не шевелю головой, дабы, не дай бог, не встретиться взглядом с Шуаном, потому что прямо кожей чувствую его требовательно-вопросительный взгляд. Нет, ну правда, что я ему скажу. Извини, ты классный и все такое, но у меня были дела поважнее. В старой забытой кладовке? В таких ситуациях лучше просто сбежать и не отвечать ни на какие вопросы. Осталось только дожидаться Луизу.

Вот кажется идет. Заскрипев, начали растворяться высокие двери. Ну наконец-то, выдыхаю с облегчением. Мне не терпится покинуть этот дворец, после всего случившегося чувствую себя здесь не в своей тарелке. Хорошо хоть теперь все внимание переключилось на Луизу. Нервный старикан вскочил со своего кресла, и его орлиный профиль, демонстрируя негодование и презрение, уставился на выходящую

баронессу, – неужели из-за этой... меня заставили ждать.

Моя подруга-хозяйка молча проходит мимо, и я, также молча и степенно, пристраиваюсь ей в спину. На мгновение ловлю отчаянный взгляд Шуана, ждущего объяснения и лишь гордо вскидываю голову, – я ничего тебе не должна.

Вся свита злобного старика засуетилась вслед за вскочившим хозяином, и мы расходимся с ними на встречных курсах. Дядюшка, как разгневанный вихрь, несется в покои своей племянницы, и его сопровождение старается не отставать. Я чувствую, как мой недавний любовник, вывернув голову, смотрит мне вслед, но ничего не может поделать и плывет в общем потоке.

Прощай, мой красавчик, – мои губы растягиваются в улыбке, вспоминая чем закончилось наше страстное свидание. Во мне сейчас нет ни капли сожаления, та минутная страсть, что вспыхнула так внезапно, так же внезапно и растаяла. Сколько их уже было в моей жизни и сколько еще будет. Не о чем жалеть. Хотя нет вру, такого красавчика у меня еще не было.

Ладно, – продолжаю весело улыбаться, – я запомню тебя, Шуан.

–

Миновав ворота, мы выходим на дворцовую площадь, и только тут Луиза впервые останавливается и оборачивается ко мне.

– Мара, – голубые глаза смотрят мне прямо в лицо, – я

должна с тобой поговорить.

Так, екает у меня в душе, не пора ли сознаваться в том, что я все слышала. Не успеваю хоть что-то решить, как моя хозяйка уже продолжает.

– Планы меняются, Мара, я не еду в Город Ветров, по крайней мере сейчас. Мне поставили условие, и я его приняла. Мне надо поступить в школу Святой и Непорочной Веры и поэтому я хочу спросить тебя. Ты со мной или как?

Вижу, как она волнуется и мне это чертовски приятно – значит ей небезразлично пойду я с ней или нет. Я уже все решила, еще там в кладовке, как только услышала. Конечно, я пойду с ней. Мы знакомы меньше одного дня, а эта девушка уже успела стать для меня всем: и подругой, и матерью и хозяйкой. Я уже представить себе не могу своей жизни без нее. Всего один день, а моя жизнь перевернулась с ног на голову. Нет наоборот, скорее я встала на ноги, впервые почувствовав какой-то смысл в своей жизни. Может быть я создана для того, чтобы помочь ей, помочь ей вернуть ее любовь. И вообще, с ней все по-другому, я первый раз в жизни встретила человека, которому могу доверять, не боясь, что меня попросту используют и выбросят. Именно это я и хочу ей сейчас сказать, но у меня не хватает слов и от чувственности момента вдруг зашипало в глазах.

– Я с тобой, Луиза. – К сожалению, это все на что меня хватило. Может быть когда-нибудь позже я смогу выдавить из себя больше эмоций, а пока я все еще зажатый, испуган-

ный городской зверек, привыкший никому не доверять и никому не открывать свою душу.

– Отлично!

Голубые глаза напротив засветились искренней радостью.

– Я очень рада, что ты согласилась. Честно говоря, за этот день я успела уже привыкнуть к тебе и мне было бы очень жаль, если бы ты отказалась.

Завидую ей в это момент белой завистью, как легко и искренне она это говорит, как легко открывает душу и делится своими чувствами. Неужели и я когда-нибудь смогу так же доверять людям.

Луиза на мгновение задумалась и стала серьезной.

– Нам нужна новая, подобающая абитуриенткам школы, одежда, – раз. Второе: через две недели в школе вступительные экзамены, за это время нам надо туда добраться и хоть немного подготовиться. Какие экзамены и каков принцип отбора я не знаю, с этим придется разбираться по ходу, но я знаю одно, мы обязательно должны поступить туда.

У меня чуть не слетело с языка, – поступить и найти эту чертову ведьму, – но я вовремя сдержалась. Тут только ляпни и придется рассказывать, как я это узнала, а тогда и то, как я оказалась в кладовке и чем там занималась, а этого мне почему-то делать очень не хочется.

Не обращая внимания на мое смущение, Луиза продолжает рассуждать сама с собой.

– Через четыре дня, из города выходит караван, он ве-

зет паломников к храму Святой Непорочной Веры, а также несколько девушек из Зеленого Холма, решивших посвятить свою жизнь борьбе с магией. Мы присоединимся к нему, тут Элиния договорится. Значит, что нам остается, только одежда.

Она весело посмотрела на меня.

– Пошли, что ли?

Согласно киваю головой, и мы двигаемся через площадь в сторону рынка. Солнце уже в зените и печет немилосердно. Проходим узкой улочкой и жар каменной мостовой сменяется пылью и рыночной вонью. Мы не лезем в самую гущу народа, а идем по краю. Луиза знает куда, видимо, во дворце указали конкретную лавку, где все сделают быстро и в срок. Миновав мясные ряды и протолкавшись через сутолоку у палаток с овощами, мы сворачиваем в сумрачный проулок и выходим к небольшой лавке в двухэтажном доме из красного кирпича.

Здрав голову, Луиза взглянула на вывеску.

– Кажется, здесь.

Я молчу, потому что по причине полной безграмотности, для меня все вывески одинаковые, а она уже взбежала на крыльцо и взявшись за ручку двери, обернулась ко мне.

– Подожди здесь, а я пойду узнаю.

– Ладно. – Без слов киваю и сажусь на каменные ступени.

Здесь, хвала Великой богине, тень, а я совсем не прочь посидеть и отдохнуть.

Дверь в лавку захлопнулась, и я бездумно уставилась на носки своих сапог. Сапоги-то как раз не мои и намятые большие пальцы говорят, что моя лапа все-таки побольше, чем у Луизы. Перекладываю длинные ножны с мечом, который кстати сказать, тоже изрядно мне надоел и тут вдруг слышу над собой торжествующий вопль.

– Рыжий, это она, ну та которая...

Глава 12

Поднимаю голову и вижу перед собой с десятков оборванцев. Я даже присвистнула от изумления, так они мне нашу банду напомнили. Но нет, это, конечно же, не наши, и впереди тот самый паренек, что совсем недавно получил от меня по рукам.

– Это она, она!

Тычет в меня пальцем и далдонит как заведенный.

– Чего орешь, Мелкий. – Крепкий парень с огненно-рыжей шевелюрой отодвинул воришку и вышел вперед.

Окидываю его взглядом: оборванные по колено штаны, босые ноги, а на плечах кожаный поддоспешник без рукавов.

Подниматься даже и не думаю, в таких делах, лучше показного спокойствия ничего нет. Если эти ребята думают на меня наехать, то не на ту напали.

Рыжий, прищурившись, в упор рассматривает меня, и он явно не знает, как ко мне относиться, то, что я не местная, он сразу раскусил, как и то, что я не дворянка, несмотря на костюм и меч. Осмотрев меня с ног до головы еще раз, он все же решается и, сплюнув себе под ноги, нагло заявляет.

– Ты помешала Мелкому заработать, он долю сегодняшнюю отдать не смог, стало быть ты нам должна за него.

Зыркаю на него исподлобья.

– Всем, кому я должна, я прощаю.

Губы вожака тронула улыбка, и где-то глубоко в глазах вспыхнула искорка удивления, зато стоящий рядом с ним амбал со шрамом на лице зло скривился и прошипел.

– Ты чего борзая такая?

Кулаки у здоровяка сжались, и вся стая подобралась словно приготовилась кинуться на меня.

– Деньги, сапоги, железягу свою быстро скидывай сюда, если жить хочешь?

Блеснул отточенной сталью нож.

Так, – думаю, – ребятки совсем отмороженные, грабят посреди бела дня на рынке, да у них тут действительно никакого порядка нет. Все еще сижу на ступеньке и не реагирую на уже реальную опасность. Вижу, что эта банда просто так не отстанет и ситуация на грани. В душе даже екнуло, вот сейчас набросятся, отвалтузят и заберут все, что смогут утащить.

– Гони сюда все что есть, сучка!

Вперед выскочил еще один босяк, и в руке у него мелькнул остро отточенный железный прут.

Ну все, дальше ждать нечего, – резко вскакиваю и, вытащив меч, машу им перед носом у рыжего.

– Еще шаг и нашинкую как капусту.

Тот отскочил и довольно ослабилися во всю ширину своего рта. Обернувшись к своим, он радостно заржал, смешно морщина свой конопатый нос.

– Смотрите-ка, кошечка выпустила коготки.

Вся стая ответила ему таким же довольным хохотом. Они не выглядят испуганными и это немного обескураживает. Я, конечно, не рассчитывала, что уличная шпана бросится в рассыпную увидев меня с мечом, но и то, что мой грозный вид их только развеселит, я тоже не предвидела.

Что-то не так, – настороженно всматриваюсь в чумазые оскаленные лица вокруг, – видать эти волчата уже попробовали крови и убивать им не впервой. Может рвануть в лавку.

Бросаю быстрый взгляд на дверь за спиной и делаю шаг назад. Свора тут же сжимает круг и впереди всех этот нахальный рыжий. Делаю выпад и размашисто бью мечом. Главарь отскакивает назад, делает наигранно испуганное лицо и опять ржет. Вижу, деткам просто скучно, и они веселятся как могут, но также совсем очевидно, что это очень злые детки, и их веселье может для меня очень плохо закончиться.

Все повторяется снова и снова, эта троица: рыжий, амбал и тот с прутом подкрадываются ко мне с трех сторон. Я подпускаю их поближе и отчаянным взмахом отгоняю обратно под взрывы одобрительного хохота остальной шайки. Надо признать, эти парни очень ловко, словно играючи, уворачиваются от моих ударов, и я не знаю, то ли я такая вялая, то ли они такие быстрые. Бью уже по-настоящему никого не жалея, и все безрезультатно. Их трое и заходят они с разных сторон, а я одна и верчусь как белка в колесе. Меч тяжелый и чувствую, начинаю уставать. С непривычки кисть все слабеет и слабеет, а троица передо мной становится все наглее

и наглее.

Еще один выпад, и отскочившая конопатая морда довольно скалится мне в лицо, целая и невредимая. Разворот в другую сторону и вновь мимо.

Отчаяние как короед уже начинает подтачивать мою стойкость, но вдруг слышу за спиной голос Луизы.

– Не так это делается.

Ее ладонь перехватывает у меня рукоять меча.

– Смотри, как надо.

Моя подруга подобрав длинные юбки встала в стойку, а меч в ее руке описав идеальную восьмерку замер готовый к бою.

– Итак, мальчики, продолжим.

Не знаю, что я делала не так, и чем Луиза сейчас отличается от меня, но то, что кроме меня разницу уловили все и особенно Рыжий, это точно. На конопатом лице пропала улыбка, и губы сжались в упрямую нить.

Раз, два, три, словно капли капая мгновения напряженного затишья и... Вперед рванулся амбал и следом оборванец с прутом. Луиза даже не шелохнулась, зато острие меча, сверкнув стремительной молнией, оставило кровавые следы на груди и плече того и другого. Отточенный штырь выпал из безвольно повисшей руки, а оба неудачливых грабителя отскочили назад, зажимая раны.

– Для самых тупых, предупреждаю, – голос Луизы звучит грозно и презрительно, – следующие так легко не отделают-

ся.

Вот теперь, к своему удовольствию, вижу страх на лицах шпаны и досаду на конопатой морде рыжего. Он уже собирается что-то сказать, но грозный окрик, ворвавшийся в переулок, заставляет всех обернуться назад.

– Что здесь происходит?

– А ну брысь, шпана недоделанная!

С рыночной площади, пришпоривая коня, в сумрак проулка врывается всадник, а за ним еще и еще.

Теперь уже заверещал узнаваемый вопль Мелкого.

– Тикай, братцы!

Я едва успеваю перевести взгляд, а вокруг уже никого из беспризорной шайки. Восторженно удивляюсь такой прыти. Испарились они что ли? Ан нет, один еще здесь. Рыжий все еще стоит прямо напротив и пялится на меня своими голубыми нахальными глазищами. Честно, я даже не знаю, как на него реагировать, с одной стороны его шайка хотела меня ограбить, убить, а может и еще чего, а с другой, что-то мне подсказывает. Если бы он реально хотел, то он бы это сделал, и мое махание мечом его не остановило.

Словно, подслушав мои мысли, эта наглая морда подмигивает мне.

– Жаль, такое знакомство испортили. Ты мне понравилась!

Он отскочил к стене и, взлетая на забор, еще раз обернулся.

– Я найду тебя!

Ничего себе заигрывание, нет уж, пусть идет куда подальше, – возмущенно хмыкаю про себя, – поучится сначала хорошим манерам.

Поднимаю голову, – так, а кто же это к нам пожаловал.

– Великая богиня! – из меня вырывается вскрик удивления. Впереди остальных всадников вздыбливает своего жеребца не кто иной как Шуан.

– Да что за день то такой сегодня! – Вскрикиваю в сердцах, но не могу не признать, хорош поганец. Блестит начищенная кираса с огромным изумрудом на груди, посадка, такая, словно он и лошадь один грациозный и очень опасный хищник. Из-под поднятого забрала блестят искренней радостью и удивлением черные глаза.

– Ты! Вот уж подарок, так подарок!

Он останавливает свой радостный поток и, замолкая, пропускает вперед другого всадника. Этого я тоже знаю. Сынок злобного старикана. Он без шлема и светлые длинные волосы обрамляют узкое породистое лицо. Серо-голубые глаза смотрят строго и решительно.

– Что здесь происходит?

Несмотря на молодость голос звучит требовательно и жестко.

Глава 13

Рассматриваю подъехавшего в упор всадника. Молодой, наверное, мой ровесник, на открытом лице едва заметные складки, выдающие веселый, но капризный нрав их хозяина.

– Сударыня, – кивком головы он поклонился Луизе, – разрешите представиться. Дорье граф Артегон.

Лицо моей хозяйки-подруги напряглось. Памятуя слова Элинии об отце этого молодого человека, оно и понятно, наш неожиданный «спаситель» из другого, враждебного нам лагеря.

Великая богиня! – Я аж ойкнула только сейчас, осознав, что это значит. Это значит, что и Шуан тоже по другую сторону. Хорошо хоть я Луизе не рассказала, чем мы с ним в этой чертовой кладовке занимались. Хоть я тогда и не знала кто с какой стороны, но думаю, она все-равно была бы мной недовольна.

После секундной паузы Луиза, наконец, ответила на приветствие.

– Луиза, баронесса Бренер.

– С вами все в порядке? – Глаза всадника внимательно прошлись по девушке с головы до ног, и он продолжил уже другим тоном.

– Вам надо быть осторожнее, баронесса, – суровое выражение на лице графа сменилось улыбкой, – в городе разве-лось столько всякой швали, что даже днем стало небезопас-

но.

И обернувшись, остальное он добавил скорее для своей свиты.

– Неудивительно, можно ли ждать иного, если городом правит женщина.

Луиза тут же бросила гневный взгляд в его сторону.

– Может быть вам лучше начать спрашивать с себя и с вашего отца?

– Ого, – граф сверкнул глазами в сторону своего друга, – ты слышал, Шуан, у нашей Элинии появилась еще одна защитница.

Дорье вновь перевел взгляд на Луизу и клянусь, на мгновение, в его светлых глазах я заметила не просто интерес, в них блеснула та самая искра, которая зажигает в наших сердцах настоящий пожар.

– Не будем ссориться из-за политики. – Юноша прикрыл вспыхнувшее желание обаятельной улыбкой. – Оставим эту мышиную возню нашим отцам. Скажите мне лучше, где вы остановились, надолго ли вы в городе? Я бы очень хотел встретиться с вами при других...

Он развел руками.

– Более благоприятных обстоятельствах.

Бросаю взгляд на свою подругу и признаю – она сейчас бесподобна. Золотые волосы тяжелой волной падают на плечи, горящие голубые глаза, талия как у осы и тяжелый меч, почему-то кажущийся игрушкой в ее руке. Мне вдруг стало

интересно, что она ему ответит, ведь я же вижу, несмотря на резкость, этот парень ей симпатичен.

– Это не имеет значение. – Луиза гордо вскинула голову. – Я обручена и вам не следует искать со мной встречи, граф.

В глазах молодого человека вспыхнуло удивление и непонимание – обрученная девушка не ходит по улицам одна, и уж тем более не воюет с бандой оборванцев. Обрученная девушка сидит дома и готовится к свадьбе.

К уху растерянного графа склонился Шуан и что-то зашептал, поглядывая в нашу сторону. О чем это он там шепчет, – я, конечно же, забеспокоилась за себя. Кто их знает этих аристократов, может быть он сейчас в красках расписывает сцену в кладовке. Да нет, – успокаиваю себя, – этим он делиться не будет, ему там хвастаться нечем.

– Вот как! – Внимательно слушающий Дорье не сдержался, и в его глазах, устремленных на Луизу, вновь зажглось удивление.

– Вы та-самая баронесса Бренер?

Луиза ответила на эту бестактность лишь ледяным взглядом.

– Простите, – граф Артегон смутился, – но не могу сдержать любопытства, кто же тогда ваш жених?

Моя подруга на глазах превратилась в «мраморную статую», от нее аж повеяло холодом. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что имел ввиду этот болван – типа кто же тогда на тебя такую польстился. Нет, ну каков идиот, да-

же у беспризорной шпаны и то больше такта. Но Луиза молодец, ее голос даже не дрогнул.

– Мой жених, Вийон граф ла Руа.

– Бешеный пес! – Дорье даже не попытался скрыть насколько он поражен. – Ваш жених, Бешеный пес? Он же...

Луиза жестко оборвала графа.

– Легко оскорблять за глаза, но хотела бы я посмотреть на того, кто посмел бы бросить эти слова Вийону в лицо.

Молодец подруга, дай ему еще, – подбадриваю про себя Луизу и злюсь уже и на Шуана. Если все они аристократы такие самовлюбленные кретины, то я тоже не желаю с ними знаться.

Граф Артегон поджал губы, поняв, что был излишне эмоционален и только что спорол редкостную бестактность, но после слов Луизы извиняться уже было поздно, это уже смахивало бы на трусость. В этой ситуации он не нашел ничего лучшего, как развернуть своего коня со словами.

– Всего наилучшего, сударыня,

И уже пуская коня в галоп, вдруг засмеялся, демонстрируя белоснежную улыбку.

– Передайте Вийону, что граф Артегон готов принять его вызов в любое время.

Свита понеслась за своим господином, а перед нами остался лишь Шуан, не сводящий с меня глаз.

Я прям замерла, сейчас этот малахольный что-нибудь выкинет, и мне придется все рассказывать Луизе. Отрицатель-

но машу головой, мол, даже не думай. Хвала Великой богине, этот оказался потолковей, чем его господин, и открывшийся было рот не произнес ни слова. Но уехать просто так, видимо, было выше его сил, поэтому толкнув пятками своего коня, он, разворачиваясь, проехал ровно между мной и баронессой, а в тот момент, когда лошадь закрыла меня от Луизы, быстро нагнул и прошептал.

– Я найду тебя...

И тут же загрохотали копыта жеребца, рванувшегося в карьер.

От Луизы, конечно, этот маневр не укрылся, и стоило нам остаться вдвоем, как она вопросительно посмотрела на меня.

– Что? – Попыталась я изобразить дурочку.

– Рассказывай, что это было?

Стою молчу и так зла на себя, на этого дурака Шуана, что просто сил нет никаких. Жутко не хочется ей врать, а правду рассказывать стыдно. Кому другому без тени сомнений брякнула бы, – да так, трахались как-то в кладовке, – и еще улыбнулась бы нахально и вызывающе. Кому другому да, а ей не могу – стыдно. Поэтому, отводя глаза, бормочу что-то невнятное.

– Да так. Клеился ко мне, пока я тебя ждала.

Глава 14

До постоянного двора добрались без приключений, баронесса впереди, я за ней, как и положено. Меч перекочевал обратно ко мне на пояс, и шествующая передо мной Луиза практически ничем не отличалась от прочих знатных горожанок разве что своей безупречно прямой спиной и гордо вскинутой головой. Тем более я была поражена, когда войдя в комнату, она тут же скинула туфли и с вымученной улыбкой уселась на кровать.

– Вот оно счастье! – Она вытянула ноги, затянутые в белые чулки. – Натерли проклятые, сил никаких нет.

– Как же вы ходили-то тогда? – Восторгаюсь ее терпением, ведь ни поморщилась даже ни разу.

– Не спрашивай. – Луиза, задрав юбки, стащила с себя чулки и принялась рассматривать здоровенные волдыри на пятках.

Присаживаюсь рядом на корточки и неуверенно спрашиваю.

– Может я к аптекарю сбегаю, видела по пути лавку, тут совсем недалеко возле рынка.

Луиза осторожно тыкает пальцем волдырь и морщится не сколько от боли, сколько от понимания несвоевременности этих болячек. Ведь скоро нам предстоит пройти пешком не один десяток миль, а тут такое. Она закусывает губу, обду-

мывая и взвешивая все за и против и, наконец, соглашается.

– Ладно сбегай, – еще раз осматривает свои волдыри и вздыхает, – да, с такими ногами далеко не ушагаешь. Затем, сняв с пояса кошель, вытряхивает на стол несколько серебряных монет, и высокий лоб прорезают задумчивые морщинки.

– Не густо.

Голубые глаза строго зыркают на меня из-под длинных ресниц.

– Если аптекарь заломит цену, ничего не бери. Это все, что у нас осталось, и неизвестно, сколько еще на них жить придется.

– Хорошо! – Вскакиваю на ноги, и тут же испуганно замираю от грохота. Эта дурацкая железяка на моем поясе, опирав широкую дугу, зацепила и опрокинула тяжелый табурет. Загрохотало в нашей каморке так, словно целый дом рухнул. Поджав губы, извиняюще пожимаю плечами, мол я не специально и смотрю во все глаза на свою подругу-хозяйку. Вижу, как она силится изо всех сил сохранить серьезность, но все же, не выдержав, прыскает и заливается хохотом как ребенок. Глядя на ее смеющееся лицо, я тоже не могу удержаться, и мы «ржем» уже вдвоем, покатываясь друг на друга.

Луиза сквозь смех качает головой.

– Клинок оставь, а то еще зашибешь ненароком кого-нибудь.

Полностью согласна, мне от меча на поясе никакой поль-

зы, одни неудобства, – поэтому с радостью расстегиваю пояс с ножнами, – без этой железяки мне как-то сподручнее будет. Кладу меч рядом с Луизой и выскакиваю из комнаты. Пробегаю уже знакомой дорогой через черной ход и, вылетев на улицу, бегу в сторону рынка. Лавку аптекаря я запомнила хорошо, плутать не пришлось, так что, не успев даже запыхаться от бега, я с разгону врываюсь в полумрак маленького помещения. Нос сразу же морщится от невыносимой вони и, зажав его ладонью, кричу куда-то в темноту.

– Эй, есть кто?

Глаза постепенно привыкают к сумраку после яркого солнца улицы, но разглядеть сухонького старичка за стойкой я смогла, только услышав скрипучее.

– Чего надо?

Под прицелом снисходительно-саркастичного взгляда из-под кустистых бровей начинаю суматошно объяснять ситуацию.

– Да, не тараторь ты так, понял я уже все. – Старик поднялся и поковылял куда-то в закрома лавки.

Через минуту он вернулся со склянкой, наполненной какой-то зеленой кашцей.

– Вот, пусть хозяйка намажет и к утру уже сможет скакать, как и прежде.

Подозрительно кощусь на ту вонючую гадость, что он мне подсовывает.

– А если нет?

Не то чтобы я ему не доверяю, но школа уличной жизни научила – справедливое сомнение лучший способ сбросить цену.

Светлые стариковские зрачки сурово уставились мне в лицо.

– Если не доверяешь, то зачем пришла? Иди в храм, помолись Великой богине, может она поможет.

Тонкие бескровные губы скривились в усмешке, изображая полнейшее равнодушие.

Вижу, торговаться этот аптекарь не любит, поэтому прямо спрашиваю.

– Сколько?

В ответ на названную цену тут же срезаю ее вдвое и смотрю на реакцию. Бесстрастное лицо старика не радуется, он лишь пожимает плечами и тянет свою лапу к склянке с явным намерением забрать ее обратно, но и я не вчера родилась. Стою жду. Посудина уже почти скрылась под стойкой, но тут же вынырнула обратно, и беззубый рот старика, пошамкав, снизил сумму на треть. После этого мне удалось выторговать еще пару медяков и выгодный курс размена моей серебряной монеты. Мысленно поздравив себя с победой и схватив склянку, выскакиваю на улицу.

Уф! С наслаждением вдыхаю чистый воздух и, решив, что торопиться теперь некуда, спокойным шагом направляюсь в сторону нашего временного пристанища. Иду себе, довольно насвистывая и уже перед самым постоялым двором вдруг

слышу – кто-то насвистывает мою нехитрую мелодию вторым голосом. Поднимаю глаза, и, «мать честная», рука сама рванулась к тому месту, где у меня когда-то висел баронский меч. Прямо передо мной вальяжно рассевшись на крыльце трактира, устроился тот самый рыжий вожак шайки уличных босяков. Заметив мой жест, он расплылся в довольной улыбке.

– Не бойся! Я не за этим пришел.

Возмущенно фыркаю.

– Больно надо, кто тебя боится!

Рыжий поднимается со ступенек и подходит вплотную. Я вся напряглась, – черт его знает, что от него можно ожидать, но стараюсь этого не показывать.

– Чего надо?

Отчаянный предводитель малолетнего воря вдруг замаялся.

– Это... Ну... В общем, меня Сол зовут, – он пригладил ладонью торчащие вихры, – или Рыжий Сол, или просто Рыжий.

Я готова расхохотаться ему в лицо, – это он клеится ко мне, так что ли? Не скажу, что он мне совсем противен, так-то он парень довольно симпатичный, не урод, стройный и лицо открытое, не злое. Может в других условиях, я бы рассмотрела его, как претендента, но после того, что случилось, нет уж, увольте. Я еще слишком зла. Поэтому режу ему эту правду прямо в глаза.

– Да, мне все-равно как тебя зовут. Я тебя не знаю и знать не хочу. Понял!

Мой гневный выпад, надо сказать, несколько парня не обескуражил, видимо привык уже, что он везде чужой и встречают его всегда неласково. Его рот растягивается в улыбке, превращая жесткого главаря банды в просто веселого, озорного паренька.

– Ты это, не сердись. Ничего бы мы тебе не сделали, так подурачиться от скуки захотелось. Ведь весело же было?

Я его веселья совершенно не разделяю и саркастически кривлю губы.

– Особенно, тот со шрамом – весельчак хоть куда.

– Да, забудь. Давай лучше мириться, я парень веселый, со мной не пропадешь и скучно не будет.

Он протягивает руку, но я вся на взводе и резко отскакиваю в сторону.

– Давай лучше ты пойдешь своей дорогой, а я своей.

Рыжий немного обескуражен моей реакцией и не знает куда деть вытянутую руку. А что он ожидал, думает, можно вот так напасть на человека, а потом прийти и все забудется. Да он даже не извинился, весело ему было, видите ли.

– Знаешь что, – во мне вдруг проснулась злая, мстительная кошка, – шел бы ты отсюда, пока я стражу не позвала.

Моя злость, по-моему, этого наглеца только забавляет, и он, явно не воспринимая угрозу в серьез, по-прежнему лыбится во всю свою рыжую морду. Ах так, – я уже открываю

рот, чтобы показать ему, что совсем не шучу, как вдруг, закрипев, распахивается дверь постоянного двора, и на крыльцо с криком выскакивает мощная фигура с забинтованной головой.

– А ну ка, голодранец, убери от нее руки!

Глава 15

Оборачиваюсь на шум и вскрикиваю про себя, – небеса всемогущие, это же мой незадачливый насильник, как его там, Оли, вроде бы. И тут же какое-то тревожное подозрение шевельнулось, уж больно резво и своевременно выскокчил мой защитник, словно он все это время стоял за дверью и подсматривал за нами.

Перевожу взгляд на Рыжего и вижу, как стекает довольная улыбка с его лица, и жестко каменеют широкие скулы.

Вот только драки мне и не хватало для полного счастья. Луиза будет недовольна, это уж точно, нам лишний шум не к чему. Кручу головой, вокруг как назло никого, и я в полном замешательстве не знаю, что предпринять. Ничего достойного на ум не приходит, остается только просто стоять и смотреть как стремительно накатываются неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.